

ОСКОЛКИ ИСТОРИЙ

АКТ ПЕРВЫЙ:

ГОРОДОК ПОД КУПОЛОМ

ВЯЧЕСЛАВ РУДИК

Вячеслав Рудик

**Осколки историй. Акт
первый: Городок под куполом**

«Автор»

2025

Рудик В.

Осколки историй. Акт первый: Городок под куполом / В. Рудик —
«Автор», 2025

У Крыгорода нет ворот. Только Купол над крышами и Шахта под ногами. Из города невозможно уйти, а чтобы выжить, люди снова и снова спускаются за магкамнями туда, где темнота умеет охотиться. Одна ходка меняет всё. Юный Аш пробуждает Пламя, которое способно сжечь все и находит Лаю — девочку из другого мира, не знающую местного языка, но привыкшую разбирать любые правила и искать в них слабые места. Их встреча заставляет великана-шахтёра бросить вызов хозяину города, а чужой замысел начинает рассыпаться. Ведь Крыгород существует внутри Истории, за которой наблюдают боги. Они готовы спорить, вмешиваться и тайком переписывать чужие строки. Но пока герои учатся выбирать собственный путь, к Истории присматривается кое-кто ещё. И ему уже нравится её вкус.

© Рудик В., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Пролог. Маленькая случайность	5
Часть первая	10
Решающий голос	10
Замок снаружи	23
Ни единого писка	28
Логово над головой	43
Перо Пламени	49
Кандидат без согласия	56
Интерлюдия I. Пришедший из пепла	67
Ча	74
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Вячеслав Рудик

Осколки историй. Акт

первый: Городок под куполом

Пролог. Маленькая случайность

Во тьме, у которой не было ни края, ни дна, висела комната. Стен у неё не было, окон тоже. Зато в пустоте стояла дверь – Иггеардриль не признавал помещений, из которых нельзя эффектно выйти.

Редкие свечи рассыпали по полу зыбкие пятна света. Пахло горячим воском, старым пергаментом и приближающимся триумфом.

За массивным столом, погребённым под листьями, восседал сам бог Представлений. Он уже облачился для премьеры: золотая парча, драгоценные камни, высокий воротник – всё необходимое, чтобы публика узнала великого рассказчика даже с самых дешёвых мест. Не хватало только выражения торжественного спокойствия. Его заменяла хмурость.

Гусиное перо скребло по бумаге, цеплялось за волокна и брызгало чернилами на рукав.

Иггеардриль терпел ровно до третьей кляксы.

— Какого демона я решил, что писать Историю этим будет стильно?

Перо полетело во тьму. Бог вытащил из внутреннего кармана золотую шариковую ручку, щёлкнул колпачком и с облегчением вернулся к финалу.

«...И вот Герой встал перед последними защитниками мира. Рядом с ним – падший император и жалкие остатки некогда несокрушимой армии. Пустынные цари. Ханы бескрайних степей. Воины диких племён, наёмники, бродяги и изгнанники. Все, кому ещё оставалось что терять.

За их спинами лежал пепел. Перед ними стояла тьма. Над ними догорали последние звёзды».

Иггеардриль перечитал написанное и улыбнулся.

— Сильно.

Ручка побежала быстрее.

«Враги заполнили горизонт: призраки пустынь, всадники на роговолках, живые мертвецы и твари без лиц. Над ними расправил крылья Злодей – чёрный дракон, в чьей пасти клубилось пламя погибших звёзд».

Иггеардриль перечитал абзац. Звёзды уже догорали над полем, а теперь ещё и клубились в пасти дракона. Для одной страницы выходило многовато. Он поколебался, но оставил как есть: финал позволял излишества.

«Герой поднял меч.

— Друзья! Мы стоим здесь вместе – и это уже победа! Пусть враг превосходит нас числом, пусть страх сжимает наши сердца, но если сегодня нам суждено пасть, мы падём с честью! Я отдам жизнь за вас, за наш мир и за...»

Ручка остановилась.

— За что же?

Бог полистал предыдущие страницы, словно ответ мог случайно затеряться между описанием пророческого меча и любовной сценой под дождём. Герой хотел спасти мир – это было очевидно. Все хорошие Герои хотели спасти мир. Но почему именно этот? Что в нём было такого, ради чего стоило сгореть вместе с драконом?

Снаружи донёсся далёкий гул. Публика собиралась.

Иггеардриль постучал ручкой по столу и вписал на полях: «Обдумать позже».

«Герой простился с любимой, пожал руки верным друзьям и шагнул навстречу судьбе.

— Стройтесь! Они идут!

Тьма обрушилась на защитников мира».

Дальше всё снова стало легко.

Сталь встретила сталью. Магия расколола небо. Войска Героя удерживали врага ровно столько, сколько требовал великий замысел. Затем дракон взмыл над полем, изрыгнул поток чёрного пламени, и Герой сорвал плащ.

Под ним обнаружили сияющие доспехи. Разумеется, покрытые шрамами прежних битв.

— Сразись со мной, мерзкая ящерица! — продекламировал Иггеардриль и довольно прищурился.

Пламя охватило Героя, развернулось за его спиной алыми крыльями. Он пронзил чёрный огонь, вонзил меч в грудь дракона и вместе с ним рухнул с небес – две кометы, светлая и тёмная, связанные последним ударом.

«И мир застыл в безмолвии».

Иггеардриль поставил точку и откинулся в кресле.

— Потрясающе.

Он представил, как замрёт амфитеатр. Как богини Излишеств и Роскоши станут рыдать, не стесняясь размазать грим. Как критики будут искать недостатки и не найдут ничего, кроме повода завидовать.

Улыбка медленно исчезла.

— Нужна мораль.

Настоящая История не могла закончиться одной красивой смертью. Она должна была чему-нибудь учить – желательно так, чтобы зрители ещё тысячу лет повторяли слова Иггеардриля, забыв, кто произнёс их внутри самой Истории.

Он повертел ручку между пальцами.

— Большая сила рождает большую ответственность... Неплохо. Очень неплохо.
За дверь грянуло:

— Иггеардриль! Иггеардриль!

Свечи задрожали. Листы на столе зашелестели от многоголосого рёва.

Бог Представлений посмотрел на незаполненное «за...», на пометку «обдумать позже», затем – на дверь. Можно было задержать премьеру. Перечитать начало. Понять, чего на самом деле хочет Герой.

Толпа снова выкрикнула его имя.

Иггеардриль расправил высокий воротник.

— Они уже заждались.

Он спрятал золотую ручку, взмахом руки погасил свечи и распахнул дверь. Тьма отступила перед ослепительным светом сцены.

— А оставшееся я придумаю на ходу.

И бог Представлений шагнул навстречу премьере.

У Историй была скверная привычка становиться настоящими.

Стоило рассказу найти хотя бы одного слушателя, как где-то у него появлялись земля и небо, города и люди, прошлое, о котором автор мог даже не задумываться. Пока Историю помнили, она жила. Забытая – исчезала вместе со всем, что успела породить.

Поэтому боги относились к новым Историям серьёзно.

Почти все боги.

Саталия, их город, меняла облик так часто, что постоянным в ней оставалось только непостоянство. Сегодня она выбрала белый камень, разноцветные знамёна и улицы, изгибающиеся под углами, оскорбительными для геометрии. Вчера на этом месте вполне мог быть морской берег. Завтра – пустыня. Даже название города иногда менялось, но мы продолжим звать его Саталией, иначе до начала Истории можно вовсе не добраться.

Все улицы вели к амфитеатру. Иггеардриль собирался представить новый рассказ, и пропускать премьеру бога Представлений желающих не было.

По одному из коридоров к сцене спешили двое.

Первым семенил Пстой – бог Предусмотрительности, низкий, полный и облачённый в строительную каску. Его пиджак топорщился от набитых карманов. За поясом на цепях волочились сундук, зонт и складная лодка. На особенно резком повороте лодка зацепилась за колонну, и Пстою пришлось вернуться, чтобы её освободить.

Его спутник терпеливо ждал. Высокий, завёрнутый в рваный чёрный плащ, вместо лица он носил пятно тьмы, по которому непрерывно разбегались узоры.

Пстой справился с лодкой и подозрительно посмотрел на друга.

— Ты сегодня слишком доволен, Разл.

— Разве? — медленно отозвался бог Случайности.

— Да. Обычно ты радуешься, когда что-нибудь уже произошло. Сейчас ты радуешься заранее. Я не подготовился.

— К этому невозможно подготовиться.

Пстой достал из кармана вторую каску и надел поверх первой.

— Значит, готовиться придётся по ходу. Что ты сделал?

Они двинулись дальше. Шум амфитеатра становился громче.

— Все ждут очередного великого творения Иггеардриля, — сказал Разл. — Герой преодолеет трудности, обретёт великую силу, принесёт великую жертву. Потом выяснится, что нужно мыть руки перед едой.

— Иногда это полезная мораль.

— Полезная. Но если мораль можно угадать раньше, чем Герой произнесёт первую речь, зачем досматривать до конца? Я решил немного помочь.

Пстой снова остановился. Сундук врезался ему в пятки, лодка – в сундук.

— Что значит «помочь»?

— Я добавил маленькую случайность.

— В его Историю?

— Уверен, он любит неожиданные повороты. Или полюбит, когда наконец увидит хотя бы один.

— Какую случайность?

Тёмные узоры на лице Разла сложились в подобие улыбки.

— Я ничего не создавал. Всего лишь изменил место назначения одного эксперимента.

Теперь персонаж из другой Истории окажется здесь.

Пстой несколько мгновений молчал.

— Ты хотя бы рассчитал последствия?

— Если бы я их рассчитал, это уже не было бы случайностью.

Последний факел у входа в амфитеатр погас.

— Мы опаздываем, — сказал Разл и шагнул вперёд.

Пстой посмотрел на удаляющегося друга, затем на свой сундук. В нём наверняка находилось что-нибудь полезное на случай вмешательства в чужую Историю. Он решил начать с аварийного набора, затем проверить запасные выходы и только после этого – паниковать.

Они заняли места в тот миг, когда перед закрытым занавесом появился Иггеардриль. Золотые одежды сияли, богини Излишеств и Роскоши разразились овациями, а бог Бедности демонстративно отвернулся.

Иггеардриль поднял руки. Амфитеатр затих.

— Дамы и господа! История, вызревавшая во мне тысячелетиями, готова. Сегодня я открою её вам!

Разл откинулся на спинку каменной скамьи. Пстой прижал обе каски ладонью.

— Я начинаю свой рассказ.

Иггеардриль вскинул руку. Тяжёлая ткань за его спиной дрогнула и разошлась в стороны. За ней начиналась История.

Часть первая

Решающий голос

По крышам Крыгорода Аш мог пройти почти с закрытыми глазами. Сегодня это не помогло: он всё равно опаздывал.

Он перелетел через щель между двумя домами, приземлился на лист ржавого железа и едва не уехал вместе с ним вниз. Под ногой скрежетнул металл. Аш взмахнул руками, поймал равновесие и побежал дальше.

Крыши здесь лепились одна к другой: доски, фанера, старые двери, пластины жести — всё, что когда-то затащили под Купол и что ещё не успело сгнить. Для тех, кто знал маршрут, они складывались в дорогу. Аш знал.

Он помнил, какая доска прогибалась, но держала, какой дымоход обжигал ладони даже ранним утром и где между домами натянута верёвка с бельём. Знал, кто только ругался вслед, а кто мог запустить сапогом. Обычно Аш успевал пригнуться, помахать хозяйке белья и проверить, не появилась ли за ночь новая дорожка. Сегодня Крыгород просыпался под ним слишком медленно. Внизу стучали ставни, звякали вёдра, перекликались первые торговцы, а над городом едва заметно голубел Купол. Всё было на месте – и всё мешало ему успеть.

Сегодня эта дорога вела к Шахте.

Первый спуск. Его первый настоящий рабочий день.

— Аш! — рывкнули снизу. — Опять по моей крыше скачешь, мелкий пакостник?

Черноус выскочил из дверей, придерживая одной рукой штаны, а другой грозя кулаком. Его усы торчали в стороны, как две щётки для сапог.

— Доброе утро! — крикнул Аш, не сбавляя шага.

— Я тебе сейчас устрою доброе! Слезай!

— Не могу! Я в Шахту!

Черноус запнулся о собственный порог.

— Куда?!

Но Аш уже перескочил на соседний дом. Если остановиться и объяснять каждому, до лифта он доберётся к вечеру. Аш давно не считал себя маленьким. Взрослые, разумеется, придерживались другого мнения.

Впереди открылась Крысиная площадь. По краям поднимались ставни ларьков, загорались жаровни, торговцы раскладывали перчатки, масло и еду, а рядом мелом выводили цены в магмакнях.

Дальше по улице тянулась утренняя смена – каски, кирки, согнутые спины. Все двигались к спуску на южной стороне площади.

Аш соскочил с последней крыши, проскользнул между двумя тележками и едва не врезался в Гуню. Торговка уже разложила на решётке крысиные шашлычки. Запах ударил в нос, и Аш невольно сбавил шаг.

— Куда летишь? — Гуня упёрла руки в бока.

— На смену. Вормот берёт меня вниз.

— Этот здоровый оболдуй всё-таки согласился? Рановато тебе в забой.

— Не рановато. Я уже не маленький.

Гуня фыркнула, завернула два шашлычка в чистый лоскут и сунула свёрток ему в руки.

— На первый спуск. С днём рождения.

— Я заплачу после смены.

— После смены зайдёшь и расскажешь, как всё прошло. Этого хватит.

Аш спрятал свёрток за пазуху.

Гуня уже отвернулась к жаровне, словно два шашлычка ничего не значили. Аш знал лучше. В Крыгороде еду не отдавали просто так, особенно перед рабочей сменой. Значит, она не только позволяла ему заплатить рассказом – она рассчитывала, что вечером он вернётся и сможет его рассказать.

— Тогда готовься слушать долго.

К Шахте он побежал уже по земле. Красный щебень скользил под ногами. Шахтёры бранились, когда Аш протискивался между ними, но били мимо и не слишком старались попасть. Он успевал отвечать каждому по имени. Незнакомые каторжники оборачивались ему вслед. Новички всегда так смотрели: сначала на ребёнка, потом на Купол, потом снова на ребёнка, словно пытались понять, какое из двух чудес неправильнее.

У входа в Шахту толпа распадалась на бригады. Люди делили каски, лопаты и тележки; вербовщики с повязками банд ходили между новичками, выискивая рекрутов среди тех, у кого

руки были покрепче и поцелее. Аш пригнулся за гружёной тележкой, чтобы никто не задержал его вопросами, и высмотрел нужный лифт.

Подъёмник возвышался над причалом грудой тёмного камня и металла. Шестерни ростом с дом медленно проворачивались за решётками, а по створкам дверей тянулись светящиеся линии и знаки, которых никто в Крыгороде не умел читать. Машина была старше Крыгорода и нынешней Империи; дальше объяснения Умника каждый раз начинали расходиться. Он называл подъёмник артефактом Элу, рассказывал, как энергия магкамней бежит по линиям к механизму, а потом произносил столько незнакомых слов, что Аш терял нить. Главное он запомнил: никто толком не понимал, почему лифт до сих пор работает.

Вблизи машина казалась ещё больше. Один зуб медленно ползущей шестерни был шире Аша в плечах, цепи уходили в камень и возвращались оттуда натянутыми, а при каждом повороте механизма причал вздрагивал под ногами. Рабочие смазывали доступные детали, меняли тросы и забивали новые скобы, но никто не решался разбирать ту часть подъёмника, которая скрывалась за древними решётками. Умник хотел. Вормот запретил. После этого Умник несколько дней ходил вокруг машины с верёвкой, мелом и крайне оскорблённым видом.

Рядом с древней машиной стоял Вормот.

Рядом с такой громадиной любой человек должен был казаться маленьким. Вормот не казался. Он возвышался над шахтёрами, широкий в плечах, лысый, с густой рыжей бородой. Аш не сомневался: вздумай створки закрыться не вовремя, Вормот раздвинул бы их руками и ещё обругал лифт за задержку. Сейчас великан проверял крепления на тележке, но через каждые два узла поглядывал в сторону входа.

Аш подбежал ближе.

— Я здесь! Я успел!

Вормот медленно повернул голову. Сначала посмотрел на Аша. Потом – на створки лифта. Потом опять на Аша.

— Пепельная ты пустая башка. Ещё немного – и поехали бы без тебя.

— Но не поехали же.

— Потому что я ждал.

Аш уставился в пол, пряча улыбку. Вормот ждал его. Именно его.

Вормот ткнул толстым пальцем в стену, где висели каски и вёдра.

— Слушай один раз. Внизу делаешь только то, что скажу. Вперёд не лезешь. От бригады не отходишь. Толкаешь пустые телеги, носишь воду, подаёшь инструмент. Видишь что-то странное – сначала зовёшь меня, потом суёшь туда нос. Перепутаешь порядок – останешься наверху до следующего десятилетия.

— Понял.

— Повтори.

Аш повторил. Даже про нос.

— Теперь бери каску.

Пеструшка – рыжий, веснушчатый и всегда будто готовый рассмеяться – бросил ему самую маленькую каску. Она всё равно съехала на глаза. Ряба был невысоким и рябым – кличка тут не врала. Он подтянул ремешок так деловито, словно от этого зависела вся смена.

Гниляка Аш почуял раньше, чем увидел. Тощий старик с морщинистым лицом и остатками тёмных зубов пересчитывал вёдра. Пахло от него так, будто его смена уже длилась неделю.

— Мелкий, от тебя жратвой несёт.

— Это потому, что я моюсь.

Гниляк ощерил остатки зубов.

— Вернёмся назад – поговорим.

С другого конца платформы хохотнул Баламут. По размерам он уступал только Вормоту: широкоплечий, темнокожий, с сединой и старыми шрамами на лице и руках. Доходяга – жёл-

тый, тощий и вечно ожидающий очередной болезни – уже второй раз проверял, плотно ли закрыта его фляга. Смирный без единого слова подвинул тележку, освобождая Ашу место. Он был настолько неприметным, что Аш порой замечал его только после того, как тот уже что-нибудь сделал.

На поверхности Аш знал каждого из них по-своему. Пеструшка первым пододвигал ему тарелку. Ряба мог пересчитать припасы одним взглядом и всегда замечал пропажу, даже если пропадала всего одна лепёшка. Гниляк ворчал, что ребёнку не место среди взрослых, а потом громче всех требовал оставить Ашу лучший кусок. Баламут обещал научить его всему на свете, но пока научил только не верить Баламуту. Доходяга находил у Аша новую смертельную болезнь после каждого чиха. Смирный просто оказывался рядом, когда требовалась помощь.

Но раньше Аш встречал их после смены. Чумазых, голодных, уже вернувшихся. Сейчас он впервые стоял с ними до спуска и хотел, чтобы они видели в нём не того, кому нужно подвинуть тарелку, а того, кто поможет её наполнить.

Вормот обвёл всех взглядом.

— Сегодня восемнадцатый уровень, третий сектор, участок тридцать семь. Работаем быстро, в чужие штреки не лезем, добычу не бросаем. Все вместе заходим, все вместе выходим.

Он задержал взгляд на Аше.

— Теперь нас восемь. Пусть новый член бригады отработает свой хлеб.

Гниляк предложил привязать нового члена к тележке, чтобы не потерялся. Пеструшка – положить в ведро. Баламут пообещал научить его отличать крысюка от Рябы, чем, конечно же, оскорбил обоих.

Аш смеялся вместе со всеми. Вчера он сидел наверху и ждал их возвращения. Сегодня стоял в одном ряду с ними – в слишком большой каске, с пустым ведром и двумя шашлычками за пазухой.

Створки лифта начали сходиться.

За сужающейся щелью остались площадь, утренний свет и голубой блеск Купола над крышами. Аш ухватился за край тележки.

Лифт дёрнулся и пошёл вниз.

Лифт дёрнулся ещё раз. Аш знал, что вниз ехали они, но живот был уверен: это Шахта рванулась вверх.

За закрытыми створками остался Крыгород. Впереди была Шахта.

Аш протиснулся между тележками к краю платформы. Вормот тут же поймал его за ворот и переставил на два шага назад.

— Я только посмотрю.

— Отсюда и смотри.

Аш обхватил перила обеими руками и высунул голову ровно настолько, чтобы Вормот не потянул его обратно.

Центральный колодец был таким широким, что противоположная стена терялась в сером полумраке. Камень там выглядел ровным, почти гладким, словно кто-то вынул из горы башню, а пустое место оставил. Через равные промежутки колодец пересекали толстые пласты породы. В каждом темнели проёмы штреков, а от них к лифту тянулись деревянные причалы – кривые, подпёртые балками и привязанные канатами к древнему камню.

Сами уровни казались одинаковыми, но верхние причалы выглядели самыми старыми. Доски там рассохлись и посерели, перила обвалились, а кое-где от настила остались одни торчащие балки. Ни тележек, ни рабочих там не было. Уровень открывали только после того, как предыдущий вырабатывали до конца. Шахтёры спускались всё глубже, а над ними оставались пустые тоннели, в которых больше нечего было добывать.

Если на старом уровне кто-нибудь и появлялся, то не ради добычи. Какая-нибудь банда могла приспособить пустой штрек под склад, тайник или дело, о котором не следовало спра-

шивать. Но обычному человеку наверху делать было нечего. Даже крысы, по словам Гниляка, уходили оттуда вслед за едой. Что оставалось вместо них, он никогда не уточнял.

Аш всматривался в тёмные проёмы, пока они проплывали мимо. Отсюда нельзя было понять, какой тоннель заканчивался через десяток шагов, а какой уходил под Крыгород и дальше, в Чёрные горы. Умник говорил, что шахтёры не строили Шахту – только понемногу вгрызались в уже существовавшее сооружение. Иногда кирпичи открывали гладкую стену с неизвестными письменами. Иногда за породой находили запечатанное помещение. Внутри мог лежать хлам, непонятный артефакт или вообще ничего. Последнее почему-то беспокоило Умника сильнее всего.

Никто не знал, кто вырезал колодец, зачем разделил его на уровни и где всё это кончается. Умник называл Шахту Великой Аномалией, а потом начинал спорить сам с собой: древнее ли она Элу, существовала ли до известных Историй и можно ли считать постройкой место, у которого никто не видел ни начала, ни конца.

Ашу больше нравилось короткое объяснение Баламута: Шахта была здесь всегда и очень не любила, когда люди совали нос слишком глубоко.

Сам лифт плыл в мягком бледном свете, источник которого Аш так и не сумел найти. Свет не шёл ни от фонарей, ни от сияющих линий на створках. Он просто держался вокруг платформы и спускался вместе с ней, хотя Крыгород давно исчез наверху.

— А если встать на самом краю, дно увидишь? — спросил Аш.

— Увидишь, — сказал Доходяга. — Очень близко и очень недолго.

— Дна никто не видел, — поправил Пеструшка. — Туда и фонарь не долетает.

— Врёт, — сообщил Гниляк. — Долетает. Просто обратно не возвращается доложить.

Аш покосился на Вормота. Тот стоял, широко расставив ноги, и придерживал ладонью ближайшую тележку. Если его и тревожила глубина, догадаться было невозможно. Аш тут же встал так же. Платформа качнулась, и он всё-таки ухватился за перила обеими руками.

Баламут заглянул за борт и важно почесал седой подбородок.

— А я однажды слышал, как камень до дна долетел.

— Долго слушал? — спросил Ряба.

— Три дня и три ночи. На четвёртое утро – стук.

— А ел ты когда?

— Не ел.

— Спал?

— Не смыкал глаз.

— И не пил? — уточнил Гниляк.

Баламут на мгновение задумался.

— Ради науки пришлось потерпеть.

В то, что у Шахты есть дно, Аш ещё мог поверить. В Баламута, который добровольно три дня не пил, — уже нет.

Первый уровень прошёл медленно. Аш успел рассмотреть старые зарубки на балках, оборванные тросы и ржавые крепления, к которым когда-то швартовали лифт. В одном месте причал был разломан посередине и две его половины торчали над бездной, будто кто-то огромный перекусил настил. В другом темноту загораживала каменная осыпь. На досках белели выцветшие предупреждения, но прочесть их с движущейся платформы Аш не успевал.

В пустых уровнях было что-то неправильное. Наверху Крыгород никогда не молчал: кто-нибудь ругался, торговался, стучал молотком или гнал крысу от порога. Здесь за краем бледного света не происходило ничего. Лифт скрипел, шестерни тяжело проворачивались где-то в стенах, а темнота принимала один заброшенный причал за другим.

Аш представил, как остаётся на таком причале один. Лифт уходит вниз, свет уменьшается, и из тоннеля доносится шорох.

Представление получилось слишком хорошим. Он отошёл от края и сел на перевёрнутое ведро между тележками.

Ко второму уровню он успел проверить, крепко ли сидит каска, и съесть оба шашлычка. Гниляк наблюдал за последним особенно мрачно.

— Мог бы со старшими поделиться.

— Я бы поделился, если бы старшие хорошо себя вели.

Баламут хлопнул Гниляка по костлявому плечу.

— Слышал, Гниляк? Веди себя хорошо, а то останешься без завтрака.

— Ишь ты, воспитатель нашёлся! — Гниляк отмахнулся от его руки и ткнул пальцем в Аша. — А этого мелкого вообще крысюки принесли. Пожевали и выбросили: тощий, невкусный.

— Зато у меня зубы остались.

Смех прокатился по платформе. Гниляк вскочил так резво, что сам, кажется, удивился, но Аш уже спрятался за Вормота.

— Вот ведь мелкая зараза!

— Сегодня он тебя уел, — негромко заметил Смирный.

Гниляк обернулся к нему, однако Смирный уже смотрел в Шахту с таким видом, будто разговаривал кто-то другой.

Вормот спрятал улыбку в бороде.

— Закончили. На обратном пути продолжите, если вернётесь вы, ваши зубы и остальные части тела.

Шахтёры притихли. Такая перемена удивила Аша сильнее самого предупреждения. На поверхности они могли сколько угодно смеяться над крысюками, слизнями и теми глупцами, которые совались не в свой штрек. Под землёй никто не спрашивал Вормота, зачем он портит веселье.

Обвал был понятнее всего. Сначала камень начинал потрескивать, потом потолок будто вздыхал, а после на человека обрушивалась целая гора. Газ был хуже: его нельзя было ни увидеть, ни учуять. О нём сообщал погасший фонарь, но иногда фонарь гас слишком поздно. В старых выработках могла прорваться вода. В темноте могли ждать крысюки – не те облезлые воришки с улиц, а огромные голодные твари, способные утащить шахтёра из круга света. Слизни были медленнее, зато подбирались почти бесшумно и обжигали всё своим кислотным телом.

И это были опасности, которым люди успели дать имена.

У каждой бригады имелась история о звуке из запечатанного тоннеля, следах, которых утром не было, или человеке, шагнувшем за поворот и не вернувшемся. Большинство таких рассказов заканчивалось спором и выпивкой. Некоторые – поминками. Аш раньше думал, что взрослые нарочно добавляют зубов и крови, чтобы он держался подальше от лифта. Теперь пустые причалы один за другим уходили вверх. Взрослые молчали, и от этого старые рассказы звучали правдивее.

Страшно было не потому, что Аш наконец поверил каждому рассказу. Страшно было потому, что никто в Кыргороде не знал, каким из них верить.

Баламут первым не выдержал молчания.

— Слыхали, «Жало» опять полезло в Весёлый квартал? У харчевни парню нос сломали. Говорят, не поздоровался как следует.

— Я видел, — сказал Смирный. — Не поздоровались как следует как раз с ним. Вшестером.

Ряба нахмурился.

— Это уже земля Черноруких.

— Не наша забота, — отрезал Вормот. — В чужую драку не лезем. Но по одному после смены не ходить.

Пеструшка пнул колесо третьей тележки.

— Скоро от чужих драк не спрячешься. Эту целиком набиваем для квоты «Жала». И всё им мало.

Аш посмотрел на три пустые тележки. Одна – банде. Из оставшегося нужно было оплатить инструменты, масло, еду, долги. И только потом делить заработок. До сегодняшнего дня он слышал эти разговоры за ужином и представлял себе много магкамней, которые взрослые почему-то неправильно делят. В тесной платформе тележки выглядели гораздо убедительнее любых объяснений.

— Потому и работаем быстро, — сказал Ряба. — Чем дольше ходка, тем больше съедаем сами.

— Зато осторожный шахтёр дольше живёт, — напомнил Доходяга.

— И дольше ест, — проворчал Гниляк. — Тоже расход.

Доходяга обиженно прикрыл ладонью флягу, словно Гниляк уже собирался отнять её ради экономии. Баламут рассмеялся, напряжение ослабло, и разговор перескочил на пиво, которое опять подорожало. Аш слушал вполуха. Уровни уходили вверх один за другим, и он старался рассмотреть каждый причал.

На поперечной балке впереди проступила белая метка: «16».

Этот причал отличался от остальных. Проход перегораживали доски в два ряда, стянутые ржавыми скобами. Поверх них висели таблички: «ВЫРАБОТКА ЗАКРЫТА» и «ГНЕЗДО КРЫСЮКОВ». За досками не горело ни одного фонаря.

Аш схватился за перила.

— Здесь?

Вормот не стал переспрашивать.

— Здесь.

— Покажи где.

— С лифта не увидишь.

Шестнадцатый уровень проплывал мимо медленно, но всё-таки проплывал. За заколоченным причалом Аш различал начало тоннеля, обвалившуюся подпорку и густую темноту дальше.

— Расскажи ещё раз.

— Ты этот рассказ наизусть знаешь.

— Я раньше самого места не видел.

Вормот долго смотрел на доски. Потом заговорил – ровно, будто отсчитывал шаги.

— Уровень тогда только открыли. Я пошёл проверить новый штрек и услышал плач. За поворотом лежал ты, едва дышал. Рядом была женщина. Мёртвая. Наверное, твоя мать. Я завернул тебя в мешок и поднял вверх.

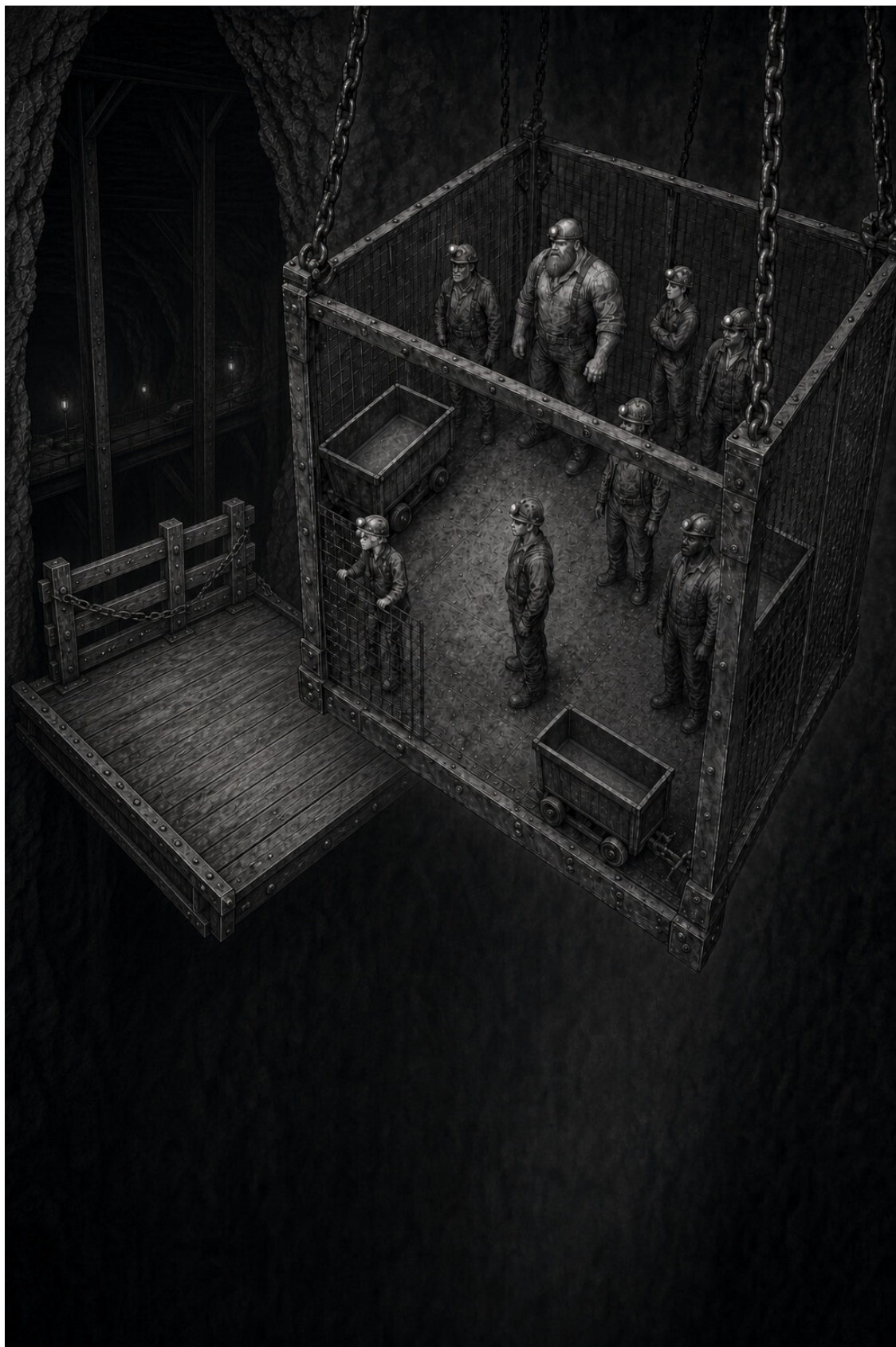
— А какая она была?

— Не знаю. Темно было.

— Волосы какие?

— Аш.

Всего одно слово. Негромкое, но окончательное. Так Вормот произносил его, когда дальше стояла стена и проверять её лбом не следовало.

Аш снова посмотрел на причал. Рассказ он действительно знал наизусть – не потому, что Вормот повторял его часто, а потому, что тот ни разу не изменился.

С настоящими воспоминаниями Вормот обращался небрежно. Мог забыть, кто первым заметил трещину. Перепутать участки. В середине рассказа вспомнить сломанную кирку, вер-

нуться назад и обвинить Гниляка в том, что тот опять сунул инструмент не в ту тележку. Другие перебивали, спорили, добавляли своё – и прошлое всякий раз обрастало новой мелочью.

Даже байки Баламута менялись. В них появлялись лишние разбойники, павлины, верблюды и ещё один Баламут, который почему-то успевал одновременно драться и наблюдать за собственной победой со стороны.

А история о матери Аша оставалась неподвижной. Те же фразы. Те же короткие паузы. Даже слово «наверное» всегда стояло перед «твоя мать», будто Вормот не вспоминал случившееся, а шёл по дороге, которую однажды выучил.

Возможно, он не лгал. Возможно, просто не хотел вспоминать. Но между «всё рассказал» и правдой явно оставалось что-то ещё.

Заколоченный причал ушёл вверх. Белая метка «16» скрылась за краем платформы.

Аш ничего не сказал Вормоту. Пока он не знал, как попасть на закрытый уровень, миновать крысюков и найти нужный поворот. Но теперь у него впервые было настоящее место, с которого можно начать поиски.

Однажды он сюда вернётся.

Лифт вздрогнул и начал замедляться.

— Восемнадцатый, — сказал Вормот. — Зажигаем фонари. Проверяем снаряжение. На причале не толпимся.

Впереди из темноты выступили балки следующего уровня. Аш поправил каску, взял своё ведро и встал рядом с остальными.

Восемнадцатый уровень встретил их грохотом.

После пустых причалов наверху Аш словно вернулся в Крыгород, только город этот построили под землёй и забыли дать ему небо. В темноте двигались огни. Скрипели колёса тележек, стучали кирки, перекликались бригадиры. От штреков тянуло каменной пылью, гарью и сыростью. Люди разгружали припасы; порожние тележки катили в забои, гружённые магрудой – к лифтам.

Пеструшка дождался, когда платформа поравняется с причалом, набросил петлю на толстый столб и затянул узел одним движением. Потом проверил второй трос, навалившись на него всем весом.

— Стоит, — сказал он.

Вормот всё равно дёрнул оба крепления сам. Только после этого махнул бригаде выходить.

Аш подхватил своё ведро и шагнул на деревянный настил. Причал чуть пружинил под ногами. За его краем лежал широкий рабочий двор, освещённый десятками фонарей. Отсюда расходились тоннели, над каждым висели дощечки с номерами секторов и участков. Дальше свет быстро редел, а потом исчезал совсем.

Надсмотрщик причала уже шёл к ним. Он был достаточно широк, чтобы остальные шахтёры уступали дорогу, но рядом с Вормотом всё равно выглядел человеком обычных размеров. Аш видел его раньше на площади: в той же красной рубахе надсмотрщик обычно шагал вразвалку и заставлял ждать всех остальных. Сейчас он почти бежал.

— Бригада? Участок? Когда обратно? — спросил он, ещё не успев подойти.

Пеструшка расплылся в улыбке.

— А сам не признал? Вормот, третий сектор, участок тридцать семь. Обратно через три дня. Всё как обычно. Чего дёрганный такой?

Надсмотрщик посмотрел на Вормота, будто только теперь заметил великана.

— С вами порядок. Проходите.

Он уже собирался отвернуться, но Вормот загородил ему дорогу.

— Что случилось?

— Ничего.

— Тогда почему торопишься нас спровадить?

Надсмотрщик перевёл взгляд на стоящие рядом лифты. Аш тоже посмотрел туда.

Две пустые платформы были пришвартованы к соседним причалам. Тросы оставались натянутыми, механизмы ждали сигнала на подъём, но возле лифтов не было ни грузчиков, ни шахтёров. Никто не ругался из-за очереди. Никто не требовал освободить дорогу.

— Две бригады ушли в ту сторону, — надсмотрщик кивнул на дальние штреки. — На соседние с вашим участки. Обе должны были вернуться. Не вернулась ни одна.

Улыбка исчезла с лица Пеструшки.

— Когда?

— Срок вышел.

— Искать отправили кого-нибудь? — спросил Баламут.

— Передали смотрящему. Он решает.

— Давно решает? — тихо спросил Смирный.

Надсмотрщик промолчал.

Аш снова посмотрел на пустые лифты. Их оставили ждать у причалов, чтобы подняться после ходки. Платформы были на месте. Людей не было.

Вормот отступил с дороги.

— Разгружаемся. Потом общий сбор.

Бригада выкатила с лифта три тележки, сняла тюки с едой, запасными фонарями, верёвками и инструментами. Обычно каждый сразу занимался своим делом. Сейчас все то и дело поглядывали на два пустых причала.

Аш ухватился за тюк, который оказался почти с него размером. Поднять его не получилось. Он потянул груз по доскам, стараясь не показать, как дрожат руки от напряжения. Смирный молча взялся за другой конец. Вместе они дотащили тюк до стены.

— Я бы и сам справился, — прошептал Аш.

— Знаю, — так же тихо ответил Смирный. — Поэтому помог только наполовину.

Когда всё снаряжение лежало на причале, Вормот собрал людей между тележками. Шум рабочего уровня продолжался вокруг, но их маленький круг словно отделился от него.

— Вы слышали, — сказал Вормот. — Пропали две бригады. Участки рядом с нашим. Можно идти в забой. Можно грузиться обратно. Решаем сейчас.

Гниляк заговорил первым.

— А чего тут решать? Наверх вернёмся с пустыми телегами, следующий участок нам когда дадут? Через месяц? Через два? «Жало» всё мало-мальски жирное своим раздаёт, а нам объедки после них. Я пустой. Совсем. Мне жрать не на что.

— Если не вернёшься, жрать тебе тоже не понадобится, — сказал Баламут.

Он больше не улыбался. На щрамы вокруг его глаз легли глубокие тени.

— Одна бригада могла нарваться на крысюков, газ или обвал. Две рядом — уже не невежество. Пока не поймём, что там, соваться нельзя.

— А когда поймём? — Ряба кивнул в сторону надсмотрщика. — Когда смотрящий закончит решать? У нас одна ходка. Одну тележку отдадим за квоту, из остальных заплатим за масло и еду. Вернёмся пустыми — долг никуда не денется.

Ряба говорил спокойно, будто раскладывал припасы по кучкам. От этого его слова звучали тяжелее ругани Гниляка.

Пеструшка потёр веснушчатый нос.

— Я за работу. Только не лезть к соседям и поставить дозор раньше обычного. Моя милая ещё прошлые сапоги донашивает. Если приду без заработка, она меня, конечно, не убьёт. Но временами я думаю, что только из уважения к закону.

Никто не засмеялся.

— Возвращаться надо, — сказал Доходяга. Голос у него сорвался выше обычного, и он сердито прокашлялся. — Я не хочу узнать, что утащило две бригады. И вам не советую. Деньги ещё заработаем.

— Чем? — спросил Гниляк. — Твоими советами о здоровье?

— Хватит, — сказал Вормот.

Одного слова оказалось достаточно.

Аш переводил взгляд с одного лица на другое. Гниляк снова и снова возвращался к еде и ругался громче обычного. Доходяга прямо сказал, чего боится. Ряба загибал пальцы, будто ещё раз пересчитывал долги. Пеструшка пытался шутить, но всё время тёр нос. Баламут смотрел в сторону дальних штреков и, впервые с начала спуска, не придумал ни одной истории.

— Голосуем, — сказал Вормот. — Моего голоса не будет. Если скажу первым, половина согласится со мной, а вторая потом соврёт, что тоже согласилась. Каждый решает сам.

Он поднял руку.

— Кто за то, чтобы идти?

Гниляк вскинул ладонь сразу. Следом – Ряба. Пеструшка помедлил, посмотрел на пустые лифты и тоже поднял руку.

— Кто за возвращение?

Баламут. Доходяга.

Смирный стоял неподвижно.

— Ты? — спросил Вормот.

— Вернуться, — ответил Смирный. — Две пропажи рядом – закономерность. Мы просто ещё не знаем какая.

Три против трёх.

Аш ждал, что Вормот решит сам. Он всегда решал: когда уходить с площади, когда прекращать спор, когда в доме пора чинить крышу, хотя дождь ещё не начался. Но Вормот посмотрел прямо на него.

— Аш?

Все остальные тоже повернулись.

— Что?

— Твой голос.

Аш решил, что ослышался.

— Мой?

— Ты член бригады. У каждого члена есть голос.

Утром Аш хотел именно этого. Не остаться наверху. Не путаться под ногами. Стоять рядом со взрослыми и быть одним из них.

Он не знал, что вместе с каской, ведром и местом в строю ему дадут ещё и право отправить всех обратно. Или повести дальше.

Аш посмотрел на Баламута. Если даже тот предлагал отступить, опасность была настоящей. Посмотрел на Доходягу – тот вцепился в ремень фляги обеими руками. На Гниляка, который вечером мог остаться без ужина. На третью тележку, предназначенную «Жалу». На Вормота.

Лицо великана ничего не подсказывало.

Вернуться означало снова подняться через шестнадцатый уровень, выйти на площадь и сказать Гуне, что первый спуск закончился у причала. Потом ждать новой ходки – неизвестно сколько. Но дело было не только в этом. Бригада действительно нуждалась в заработке. Они были вместе. Вормот знал Шахту лучше всех. Баламут замечал опасность раньше других. Если соблюдать правила, не лезть в чужие штреки и держаться рядом, что могло с ними случиться?

Последняя мысль прозвучала убедительно именно потому, что Аш очень хотел ей поверить.

— Идём в забой, — сказал он.

Гниляк шумно выдохнул. Ряба сразу повернулся к тележкам. Пеструшка попытался улыбнуться Ашу, но улыбка вышла неровной. Доходяга пробормотал что-то о коллективном помешательстве.

Баламут опустил руку и молча затянул ремень на своём самостреле.

Вормот ещё несколько мгновений смотрел на Аша.

— Решение принято, — сказал он. — Баламут идёт первым. Смирный замыкает. Дистанцию не растягивать. В чужие штреки не сворачивать. Увидели, услышали или почуяли что-то странное – бросаем тележки и возвращаемся. Без споров.

Никто не возразил.

Они зажгли фонари и выстроились у входа в штрек. Рабочий двор остался за спиной – шумный, людной, почти безопасный. Впереди свет ложился на каменный пол короткими жёлтыми полосами, а дальше начиналась темнота.

Баламут шагнул в неё первым.

Аш поправил каску и пошёл следом за бригадой, которую сам отправил вперёд.

Замок снаружи

— Объект LA-YA, время просыпаться. Сегодня жду тебя в лаборатории для проведения испытаний.

Голос ПА-ПЫ прозвучал одновременно из потолка, стены у кровати и динамика в ванной. Проснуться после такого можно было даже в том случае, если уже не спишь.

Лая открыла глаза.

— Доброе утро.

— Сейчас семь часов две минуты. Утро началось две минуты назад.

— Тогда доброе утро уже две минуты.

ПА-ПА не ответил. Он часто не отвечал, когда фраза не содержала вопроса, запроса или полезной информации.

Лая откинула одеяло, потянулась и одним движением вскочила с кровати. Кровать сразу начала заправляться сама. Простыня натянулась под её пятками, едва не сбив с ног. Лая спрыгнула на пол раньше, чем край матраса поднялся.

— Скорость механизма увеличилась на четыре процента, — сообщила она.

— Верно. Предыдущий режим был неэффективен.

— Предыдущий режим не пытался меня съесть.

— Кровать не способна питаться.

— Это шутка, ПА-ПА.

— Я определил вероятность этого в шестьдесят один процент.

Для шутки результат был невысоким. Для ПА-ПЫ – почти восторг.

В ванной автодуш уже выставил контрастный режим. Горячая вода сменилась холодной в тот момент, когда Лая намылила волосы. Она стиснула зубы и досчитала до десяти. ПА-ПА утверждал, что резкая смена температуры укрепляет здоровье. Лая подозревала, что главным образом она укрепляет неприязнь к утру.

Манипуляторы вымыли, высушили и расчесали её длинные чёрные волосы. Автощётка почистила зубы. Из стены выдвинулся свежий чёрный комбинезон – такой же, как вчера, позавчера и во все дни, которые Лая помнила. Размер менялся. Всё остальное – нет.

На кухонном столе её ждала манная каша.

Лая остановилась в дверях.

Каша была тёплой, однородной и рассчитанной ровно под её дневную потребность в питательных веществах. Это делало её безупречной. Вкус оставался единственным показателем, который ПА-ПА почему-то считал необязательным.

Лая проверила пространство под мойкой. Мусорного контейнера не было.

— Если ты ищешь контейнер, я временно переместил его в технический отсек, — сказал ПА-ПА.

Она посмотрела на окно.

— И, пожалуйста, не выбрасывай завтрак наружу. Очистка фасада после прошлого случая потребовала лишних ресурсов.

— Я спасла кашу от меня и меня от каши. Это взаимовыгодный обмен.

— Каша не является участником обмена.

— Зато я являюсь. И я против.

Лая села и попробовала первую ложку. Вкус подтвердил все предварительные расчёты.

— ПА-ПА, обязательно каждый раз говорить «Объект LA-YA»?

— Это твоё полное и точное обозначение.

— Лая короче.

— Краткость не повышает точность.

Она давно не произносила слово «Объект», когда думала о себе. ПА-ПА не пропускал его никогда.

Лая зажмурилась и быстро съела кашу. Апельсиновый сок немного помог. Когда тарелка опустела, ПА-ПА сообщил, что автомобиль прибудет через сорок секунд.

— Что за испытание?

— Подробности будут сообщены в лаборатории.

— Физическое?

— Подробности будут сообщены в лаборатории.

— Интеллектуальное?

— Подробности будут сообщены в лаборатории.

— Ты заменил себя записью?

Наступила короткая пауза.

— Нет.

Лая улыбнулась. Всё-таки достала.

Она вышла из квартиры. Дверь закрылась за спиной, лифт уже ждал. Кабина без команды доставила её на первый этаж, двери дома разошлись, и Лая оказалась посреди города.

Небоскрёбы поднимались так высоко, что утренний свет ещё не добрался до нижних этажей. Стекланные стены отражали друг друга, умножая пустые окна до бесконечности. На перекрёстке сменился сигнал светофора. Ни один пешеход не воспользовался разрешением перейти дорогу.

По улицам двигались автомобили. Они держали дистанцию, перестраивались, останавливались перед сигналами и разъезжались по разным направлениям. Водителей в них не было. Пассажиров тоже.

Город продолжал выполнять расписание для людей, которых в нём давно не было.

Лая не знала, куда они ушли. ПА-ПА показывал ей записи, книги и голофильмы, рассказывал о человеческих войнах, открытиях, государствах и искусстве. Но на вопрос о последних жителях города отвечал одинаково: имеющихся данных недостаточно.

Иногда Лая выбирала в окнах далёкую тень и пыталась доказать себе, что она движется не по программе. Обычно тень оказывалась уборочным устройством, веткой растения или её собственным отражением.

Сегодня она не стала искать.

У тротуара остановился автомобиль и открыл дверь. Лая села на переднее пассажирское место – водительского в машине не было. Ремни обхватили её плечи и пояс, кресло подстроилось под рост. Автомобиль влился в безупречно движущийся пустой поток.

— ПА-ПА, — позвала она.

Ответ пришёл из динамика в двери:

— Я слушаю.

— Если испытание новое, почему ты не сообщил о нём вчера?

— Предварительная информация не требовалась.

— Мне требовалась.

— Для выполнения испытания – нет.

Разговор на этом закончился. ПА-ПА не произнёс, что Лая ошибается. Просто перестал отвечать.

За окном проносились пустые остановки, закрытые магазины и парки, где автоматические системы поливали дорожки вместе с газонами. На огромном экране над площадью улыбалась женщина из старой рекламы. Лая знала каждое слово ролика и никогда не слышала живого голоса самой женщины.

Автомобиль остановился у высокой башни с многоярусной крышей. Когда-то ПА-ПА заставил Лаю пройти курс истории архитектуры, и она до сих пор помнила названия всех изгибов, карнизов и способов укладки кровли. Зачем лабораторной башне понадобилось столько украшений, в курсе не объяснялось. Образование ПА-ПЫ иногда работало странно.

За широкими дверями её снова ждал лифт. Внутри играла медленная оркестровая музыка из обязательной программы.

— Я это уже сдавала, — напомнила Лая.

Музыка продолжилась без ответа.

— Видимо, пересдача.

Она предпочитала записи из более поздних архивов. Те хотя бы не звучали так, будто слушатель уже совершил что-то торжественное и теперь обязан стоять смирно.

Двери открылись прямо в лабораторию.

XORBIT ждал у разметки на полу. Человекоподобный корпус был выше Лаи почти вдвое, белые защитные панели закрывали металлический каркас, вместо лица темнел гладкий экран с двумя светлыми точками.

— Здравствуй, Объект LA-YA. Подготовка к испытанию завершена.

— Привет, XORBIT. Как поживаешь?

— Все системы функционируют в пределах нормы. Технически я не живу, поэтому вопрос сформулирован некорректно.

— Ты отвечаешь так каждый раз.

— Формулировка вопроса также повторяется.

XORBIT был полезным партнёром для тренировок, точным помощником и единственным собеседником, которого Лая могла видеть перед собой. Но если разговор сворачивал с прямой линии, робот немедленно возвращал его на место.

— Что сегодня? Проверка реакции? Памяти? Снова полоса препятствий, которую ты назовёшь «не соревновательной», когда я пройду быстрее расчётного времени?

— Ни один вариант не соответствует программе.

Лая выпрямилась.

— Значит, действительно что-то новое.

Голос ПА-ПЫ раздался сверху:

— XORBIT, проводи Объект LA-YA к установке.

Робот повернулся к дальней двери. Обычно за ней горел красный знак ограничения доступа. Сегодня знак погас.

Лая пошла следом.

Они миновали комнаты медицинских обследований, тренировочный зал и помещение с вычислительными системами. Дальше начинался коридор, в котором Лая прежде не бывала. ПА-ПА открывал двери одну за другой перед XORBIT и запирали сразу за ними.

— Почему эта часть лаборатории была закрыта?

— Доступ не требовался, — ответил ПА-ПА.

— А теперь требуется?

— Да.

Последняя дверь ушла в стену.

За ней находилось круглое помещение без окон. В центре стояла металлическая установка высотой немного больше Лай. Гладкие стенки изгибались без единого видимого крепления. Снаружи к корпусу тянулись толстые кабели, а внутри не было ни экрана, ни кнопок, ни даже ручки на дверце.

Лая обошла установку кругом. Положила ладонь на металл. Холодный. Работающего двигателя не слышно. У дверцы – внешние петли и замок, управляемый только снаружи.

— Что она делает?

— Забирайся внутрь, — сказал ПА-ПА. — Объяснение последует после герметизации.

Лая не сдвинулась.

Сердце билось немного быстрее обычного. Не от страха, решила она. От неизвестности. Прежние испытания иногда были тяжёлыми, болезненными или утомительными, но ПА-ПА всегда следил за показателями и прекращал их до того, как возникала настоящая опасность. Он создал её. Кормил, лечил, учил. Знал её тело точнее, чем она сама.

Если бы установка могла причинить вред, ПА-ПА предупредил бы.

Лая посмотрела на XORBIT.

— Ты останешься здесь?

— До завершения испытания.

Она кивнула, забралась внутрь и села на гладкий пол. Колени пришлось подтянуть к груди.

XORBIT закрыл дверцу.

Замок щёлкнул снаружи.

Лая сразу нажала ладонью на металл. Дверца не поддавалась. Она провела пальцами по внутренней стенке, ещё раз проверяя то, что уже увидела снаружи: открыть установку самой было невозможно.

— ПА-ПА, — сказала Лая. — Теперь объясни, что это за испытание.

Ни единого писка

Первые шаги дались легко.

Рабочий двор остался за спиной, но его шум ещё долго катился следом: грохот тележек, окрики бригадиров, скрежет цепей. Впереди шёл Баламут с зажжённым фонарём и самострелом в руках. За ним Ряба и Пеструшка толкали первую тележку, потом шли Гниляк и Доходяга со второй. Аша Вормот поставил в середину, рядом с собой. Смирный замыкал строй.

Три тележки громыхали по неровному каменному полу. Восемь пар ног поднимали пыль.

И всё это двигалось вперёд потому, что Аш сказал: «Идём».

Он поправил слишком большую каску и крепче сжал дужку ведра. Пока ничего плохого не происходило. Просто ходка. Обычная дорога к участку, которую остальные проделывали столько раз, что не считали нужным о ней рассказывать.

Баламут остановился у первой развилки и поднял кулак. Тележки одна за другой замерли. Он посветил в левый тоннель, потом в правый, проверил дощечку с номерами и махнул направо.

— Не растягиваться, — напомнил Вормот.

Аш едва не сказал, что и так помнит. Вовремя прикусил язык. Сегодня он собирался выполнять каждое распоряжение раньше, чем его повторят.

У главных штреков ещё встречались люди. Навстречу прошла отвальная бригада – молчаливая вереница в серой пыли. Они толкали тележки с бесполезным камнем к центральному провалу. У одного шахтёра вместо кисти к рукояти тележки был примотан железный крюк. Другой прихрамывал и при каждом шаге всем телом заваливался вбок, но не отставал. Третий был совсем седым, хотя лицо под грязью казалось не старше Пеструшкиного.

Аш посторонился, пропуская их.

Никто из отвальщиков не поздоровался. Несколько человек посмотрели на Вормота, потом на Аша и быстро отвели глаза. В обычный день ребёнок в рабочей бригаде наверняка вызвал бы вопросы. Сегодня людям хватало двух пустых лифтов у причала.

Когда последняя тележка прогрохотала мимо, Доходяга проводил её взглядом.

— Вот разумные люди. Идут в сторону выхода.

— Так присоединяйся, — предложил Гниляк. — Заодно поможешь им шлак толкать. До конца жизни. Если силёнок хватит.

— Я бы и пошёл, если бы у нас решения принимали головой.

Аш почувствовал, как уши становятся горячими.

Доходяга не посмотрел на него и, возможно, вообще говорил не о нём. От этого легче не стало.

Вормот повернул голову.

— Решение принято. Кто хочет спорить – спорит со мной.

Доходяга сразу заинтересовался состоянием переднего колеса. Аш открыл рот, собираясь сказать, что может сам за себя ответить, но Вормот уже пошёл дальше.

Стало и легче, и обиднее. Взрослые признали голос Аша настоящим, а защищать его от последствий Вормот всё равно собирался сам.

За следующей развилкой пол пошёл под уклон. Тележки потянули шахтёров за собой. Ряба и Пеструшка навалились на рукояти, не давая первой разогнаться; Гниляк ругался на вторую так, словно она могла испугаться и остановиться. Аш подбежал к третьей, ухватился за боковую рукоять рядом со Смирным и навалился на неё всем весом. Колёса прыгали по выбоинам, рукоять вырывалась из ладоней. Смирный быстро посмотрел на Аша, но прогонять не стал. Вдвоём они удержали тележку до конца спуска.

Когда пол снова выровнялся, Смирный осмотрел тележку, затем Аша и коротко кивнул. У Аша ныли плечи, зато он впервые за день оказался полезен без подсказки Вормота.

Спуск закончился у низкого каменного свода. Вормоту пришлось пригнуть голову, Баламуту – только немного сутулиться. Аш прошёл не нагибаясь и впервые за день обнаружил преимущество собственного роста.

Дальше штрек сузился. Свет рабочего двора окончательно исчез. Остались восемь фонарей, три тележки и жёлтые полосы света на каменном полу. Стены то подходили вплотную, то отступали, открывая боковые тоннели. Над некоторыми висели свежие дощечки с номерами. Другие были перечёркнуты или расколоты. Один проход заложили камнями до самого потолка.

— Почему его закрыли? — спросил Аш.

— За стеной старый штрек, — ответил Ряба. — После обвала потолок так и сыпался. Проще заложить проход, чем вытаскивать из-под него очередного любопытного.

Аш посмотрел на плотную каменную кладку. До сегодняшнего дня Шахта представлялась ему огромным переплетением дорог, по которым при желании можно добраться куда угодно. Теперь оказалось, что некоторые дороги заканчиваются вот так – глухой стеной без двери и без обещания, что её когда-нибудь разберут.

Баламут, шедший впереди, снова остановился и присел возле двух глубоких колеи, продавленных тележками в пыльном полу.

— Что там? — спросил Вормот.

— Следы колёс.

Вормот посмотрел на колеи.

— И?

— Старые. С утренней смены, может, ещё раньше. Свежих нет.

Он поднялся и пошёл дальше.

Аш оглянулся. Смирный был на месте. За его спиной тоннель сжимался вокруг далёких огней, а потом проглатывал их один за другим. Пусто.

Через некоторое время Баламут всё же заговорил:

— В Хазирианской пустыне такая же тишина бывает перед песчаной бурей. Идёшь, значит, с караваном. Везёшь золотой виноград для местного князя...

— В прошлый раз была соль, — напомнил Ряба.

— Соль мы везли обратно. В обмен на виноград.

— Из пустыни?

— Особый пустынный виноград. Растёт только там, где верблюды поют по ночам.

— Опять верблюды, — вздохнул Смирный.

— Не тот. У того был приятный голос. Так вот, поднимается буря, а навстречу нам войско: всадники, слоны и боевые павлины в броне...

Обычно к этому месту половина бригады уже начинала спорить, бывают ли боевые павлины и зачем им броня поверх перьев. Сейчас никто не перебил. Колёса глухо били по камню, фонари покачивались, тени ползли по стенам.

Баламут обернулся, словно проверяя, слушают ли его.

— Ну и? — спросил Аш.

— Что?

— Что было с павлинами?

— А. Павлины. Я их победил.

— Как?

Баламут посмотрел в ближайший боковой тоннель.

— Убедительно.

На этом история закончилась.

Аш никогда не слышал, чтобы Баламут терял интерес к собственной победе. Даже выдуманной.

Они шли дальше. Время в Шахте считалось не по солнцу, а по остановкам. На первой пили воду. На второй проверяли колёса и подтягивали ремни. На третьей Гниляк потребовал короткий привал, объявив, что его старые кости не нанимались участвовать в гонке. Ряба заметил, что кости вообще никто не нанимал. Перепалка получилась привычной и потому приятной.

Аш сел на край тележки и отхлебнул из фляги. В груди понемногу отпускало.

Если бы впереди действительно бродило чудовище, они наверняка уже услышали бы рёв. Если бы случился обвал, по тоннелям тянуло бы пылью. Если бы прорвалась вода, она собралась бы в выбоинах под колёсами. Пока вокруг были только камень, старые подпорки и обычная темнота.

Он нашёл три доказательства, что всё хорошо, и постарался не искать четвёртое.

После привала Вормот переставил людей. Смирный пошёл рядом с Баламутом, Доходяга оказался в середине, а сам Вормот замкнул строй. Он ничего не объяснил. Никто не спросил.

Чем дальше они уходили от причала, тем реже попадались следы других бригад. Исчезли свежие отметины колёс. Потом перестали встречаться обронённые щепки, обрывки верёвки и затоптанные места у стен, где люди устраивали привалы. Последняя дощечка была разделена на три стрелки. Две уводили к соседним участкам, третья – к их, тридцать седьмому.

Баламут повёл их к третьему ответвлению.

Аш посмотрел на два соседних. Там не горело ни одного огня.

— Это их участки? — спросил он.

Вормот ответил не сразу:

— Возможно.

— Мы можем хотя бы позвать?

— Нет.

— Но если они рядом...

— Мы не знаем, что рядом. Идём своим маршрутом.

Аш кивнул. Он сам обещал не лезть в чужие штреки. Всё же, пока проходы не скрылись за поворотом, прислушивался – вдруг кто-нибудь крикнет или застучит киркой по стене.

Никто не крикнул.

Ещё через несколько переходов на стене появилась перекошенная табличка: «СЕКТОР 3. УЧАСТОК 37».

Из тоннеля под ней лился слабый голубой свет. Не такой яркий, как линии на лифте, но живой, неровный. Где-то в породе залегала магруда.

— Пришли, — сказал Вормот.

Баламут не опустил самострел. Он первым вошёл в тоннель, проверил повороты и вернулся только через несколько минут.

— Следов нет. Тихо.

— Обустраиваемся, — приказал Вормот. — Дозор с первой минуты. За границы участка без команды не выходить.

Шахтёры сняли тюки, начали разгружать тележки и расчищать место для лагеря. Аш поставил своё ведро рядом с остальными и оглянулся на дорогу, по которой они пришли.

Все были здесь. Никто не пропал. Они добрались до участка без нападения, обвала и единого крысюка.

Значит, решил Аш, он выбрал правильно.

И ещё они не встретили ни одного крысюка. По рассказам взрослых, те сами находили шахтёров – лезли к припасам, шныряли возле стоянок, попадались в свете фонарей. Раньше Аш считал, что в любой шахтёрской байке крысюков как минимум вдвое больше, чем было на

самом деле. Теперь он впервые задумался: если взрослые хотя бы наполовину не врали, почему за столько часов они не услышали ни единого писка?

Лагерь возник посреди пустого участка с такой быстротой, будто бригада привезла его с собой в тюках.

Вормот выбрал сухое место у стены. Ряба и Смирный расчистили площадку, Гниляк обложил камнями огонь, а Пеструшка развернул спальные мешки и тут же улёгся поперёк одного – проверить, не слишком ли он мягкий. Доходяга снёс припасы под низкий уступ, где на них не могла попасть вода. Баламут проверил самострел, взял связку факелов и ушёл к развилке караулить подходы.

Аш пытался помогать всем сразу. Он подал Рябе лопату, помог Гниляку обложить огонь, едва не наступил на руку Пеструшке и наконец получил от Вормота ясное распоряжение:

— Дробилка. Разбирайся.

Ручная дробилка стояла у края старого забоя. Она напоминала железный ящик, к которому по ошибке приделали длинную рукоять, широкий раструб и два жёлоба. В верхний засыпали магруды. Пеструшка крутил рукоять, внутри скрежетали зубчатые валы, и из нижней части сыпалась раздробленная порода. Серый шлак проваливался через решётку, а освобождённые от породы магкамни скатывались в отдельный лоток.

Ашу следовало вынимать их, счищать с граней остатки породы и складывать целыми в плотные мешки. Работа была несложной, но доверять её кому попало не стоило. Один пропущенный кристалл отправится вместе со шлаком в отвал, а вместе с ним пропадёт часть заработка бригады.

— Пальцы в лоток не суй, пока я кручу, — предупредил Пеструшка.

— До валов далеко.

— Пока рука не соскользнёт. Камни забирай только с края.

Пеструшка говорил без обычной ухмылки. Аш кивнул и отодвинул руки от лотка.

Из забоя донёсся первый удар кирки.

Вормот работал двумя сразу. Он всаживал одну в породу, и, пока остальные ещё вздрагивали от звона, вторая уже опускалась рядом. Смирный бил реже, зато каждый раз выбирал трещину и откалывал широкий пласт. Гниляк и Ряба разбивали крупные куски, Доходяга грузил их в тележку. Когда она наполнялась, добычу привозили к дробилке, а за новой партией отправляли пустую.

Поначалу Аш старался следить за всем. За Вормотом, который не сбивался с темпа. За дальним поворотом, за которым исчез Баламут. За тенями, дрожавшими на стенах всякий раз, когда кто-то проходил перед фонарём. За тёмным входом на участок.

Потом первая порция магруды загрохотала внутри дробилки, и следить осталось только за собственными руками.

Пеструшка крутил рукоять всем телом: тянул её вниз, перехватывал и снова тянул. Из одного жёлоба валил шлак, из другого, подпрыгивая, выкатывались голубые кристаллы. Аш хватал их, смахивал жёсткой щёткой налипшую пыль и складывал в мешок. Пыль всё равно забивалась под ногти. Острые грани царапали ладони. Мешок наполнялся медленнее, чем тележка со шлаком.

На третьем круге Аш уже знал весь путь породы. Удар. Треск. Лопаты. Тележка. Дробилка. Серый поток в одну сторону, редкие голубые вспышки – в другую. Пустую тележку возвращали к забою, гружённую шлаком откатывали к стене, чтобы позже забрали отвальщики, а магкамни оставались в мешках возле него.

Работа связывала бригаду крепче верёвки. Стоило Доходяге замешкаться – Пеструшка оставался без магруды. Стоило Пеструшке сбавить темп – у дробилки вырастала куча. Если Аш не успевал очистить лоток, новые кристаллы ударялись о старые, и Ряба кричал из забоя, что их заработок не любит тесноты.

Аш успевал.

С каждым новым мешком тревога отступала. Пропавшие бригады оставались где-то в соседних штреках. Здесь Вормот крошил стену, Гниляк ругался на слишком твёрдую породу, а Пеструшка в сотый раз обещал, что следующий оборот рукояти станет последним. Обычная работа оказалась громкой. Под её шумом тишину Шахты почти не было слышно.

Магкамни выглядели одинаковыми только издалека. Все отливали голубым и испускали слабое сияние, но внутри каждого скрывался собственный узор.

В одном тянулись тонкие тёмные линии, похожие на голые ветви. В другом плавали золотистые крапинки. Третий пересекала белая полоса, изгибавшаяся, как река на карте из книг Умника. Аш поворачивал кристаллы к свету и находил внутри то звериную морду, то раскрытый лист, то человека, который карабкался по склону. Один раз ему почудилась птица с широко распахнутыми крыльями, но стоило наклонить камень – и птица рассыпалась на беспорядочные огненные чёрточки.

Умник наверняка сказал бы, что Аш видит знакомые образы там, где есть только минеральные включения. Потом заставил бы зарисовать каждый кристалл, сравнить рисунки и проверить, повторяются ли узоры.

Аш отложил камень с птицей поверх остальных, чтобы не потерять.

Через некоторое время он заметил, что голубой свет стал ярче. Сначала решил, что глаза привыкли к темноте. Потом – что Пеструшка незаметно подлил масла в фонарь. Но фонарь чадил у дробилки всё так же тускло, а пальцы Аша сделались голубыми от света, проходившего сквозь кристалл.

Он положил камень в мешок. Сияние ослабло среди остальных.

Взял следующий – и тот засветился ярче.

Аш поднёс его к лицу. Внутренние пятна проступили отчётливее. Они не двигались, но теперь между ними обнаружили тончайшие нити, которых он раньше не замечал. Кристалл оставался холодным. Не дрожал, не колол ладонь, не делал ничего, о чём стоило бы кричать взрослым. Просто светился.

— Эй, — позвал Аш.

Дробилка заглушила его голос.

Пеструшка продолжал крутить, зажмурившись от летящей пыли. Аш решил дожидаться, когда закончится тележка. К тому времени в лоток выкатились ещё четыре камня, и каждый в его руках светился ярче, чем в лотке.

Потом привезли новую магрудку. Следом ещё одну. Работа снова подхватила Аша, и возможность остановить всех ради странного света стала казаться не такой уж срочной. Камни не трескались и не рассыпались. Мешки наполнялись. Никто не кричал из темноты.

К концу смены руки Аша уже двигались сами. Вытащить кристалл. Очистить грань. Проверить. Уложить. Он устал смотреть на узоры и перестал откладывать особенно красивые. Даже камень с птицей затерялся среди остальных.

Норму на смену они набрали и немного превысили. Ряба завязал последний мешок, дважды пересчитал полные и объявил, что при таком темпе им не придётся оставаться внизу дольше запланированного. Гниляк ответил, что при таком темпе им придётся искать Пеструшке новые руки. Пеструшка перестал крутить дробилку и некоторое время просто висел на рукояти, доказывая, что старые ещё годятся хотя бы для этого.

Ужинали возле огня. Аш держал миску обеими руками, потому что пальцы плохо слушались. Теперь участок освещали костёр и мешки с добычей. Фонари почти не требовались: сквозь плотную ткань просачивалось голубое сияние.

Гниляк долго косился на мешки, наконец отложил ложку.

— Я сначала думал, это мне пыль глаза разъела, — сказал Гниляк. — Но камни и правда светят ярче обычного.

Смирный посмотрел на погашенные фонари.

— Масло почти не трогали.

— Потому что дело не в камнях, — сказал Ряба. — Дело в Аше. Весь день наблюдал: берёт кристалл – тот светлеет. Выпускает из рук – тускнеет.

Аш замер с хлебом у рта. Значит, ему не показалось. И Ряба заметил раньше, хотя весь день работал в забое.

— Проверим, — оживился Пеструшка. — Давай руку.

Он развязал ближайший мешок и достал тусклый магкамень. Сначала положил его на ладонь Гниляку.

— И чего? — спросил тот.

Пеструшка всмотрелся в кристалл.

— У тебя ничего не изменилось.

— А чего измениться-то должно? — спросил Гниляк.

Пеструшка забрал кристалл и протянул Ашу.

Стоило пальцам сомкнуться на холодных гранях, как голубое сияние залило ладонь. Лица вокруг проступили резче. В глазах Гниляка вспыхнули две крошечные голубые точки. Пеструшка присвистнул.

Аш положил кристалл на землю. Свет ослаб. Поднял – усилился снова.

— Светится, — выдохнул Гниляк. — Масло сбережём.

Все смотрели на камень. Все, кроме Вормота.

Вормот смотрел на Аша. Хлеб в его руке остался неразломленным. Между бровей легла глубокая складка – такая же появилась у него на шестнадцатом уровне, когда Аш спросил о своей матери.

Радость от открытия сразу уменьшилась.
— Ты что-то знаешь? — спросил Аш.
Вормот перевёл взгляд на магкамень.
— Баламут не ужинал. Отнеси ему еду.

Он протянул свёрток с хлебом и мясом.

— Сейчас?

— Сейчас. Скажи, мы со Смирным скоро его сменим.

— А камень?

— Потом.

Это было не обещание. Так Вормот говорил, когда хотел закончить разговор и надеялся, что Аш не заметит.

Аш положил магкамень возле мешка и взял свёрток. Пока он шёл к выходу с участка, за спиной никто не произнёс ни слова. Потом Вормот заговорил – слишком тихо, чтобы разобрать. Значит, обсуждать камень всё-таки можно было. Нельзя было обсуждать его при Аше.

Он едва не вернулся. Если голос Аша годился, чтобы вести бригаду в опасные штреки, то должен был годиться и для разговора о собственной руке. Но Вормот велел отнести еду, а Аш обещал выполнять распоряжения.

Он пошёл дальше, сердито считая шаги.

Баламут устроился там, где главный проход раздваивался. Один путь вёл обратно, к отвальным площадкам, второй уходил глубже в темноту. На каменном уступе лежали кирка, самострел с соляными зарядами и связка факелов быстрого розжига, сделанных Умником. Всё оставалось наготове. Ни один факел не понадобился.

Сам Баламут сидел, привалившись плечом к стене, но при приближении Аша поднялся прежде, чем тот успел позвать.

— Это я, — сказал Аш.

— Вижу.

Баламут не улыбнулся. Самострел он держал поперёк груди, палец – возле спуска.

— Вормот прислал ужин. Скоро он со Смирным тебя сменил.

Аш протянул свёрток. Баламут взял его свободной рукой и положил на уступ, даже не развязав.

— Никого не видел? — спросил Аш.

— Никого.

— Значит, спокойно.

— Не нравится мне это.

— Что именно?

Баламут кивнул в сторону тёмного прохода.

— Слушай.

Аш прислушался. Сначала ему мешало собственное дыхание. Потом он услышал тихое потрескивание фитиля в фонаре, шорох одежды, когда Баламут переменял стойку, и далёкие голоса у их костра. Между голосами лежала тишина. Не та, что наступает ночью в доме, когда за стеной всё равно ворочается Вормот, шуршат крысы под крышей и ветер скребёт Купол пылью. Здесь за пределами их лагеря не было ничего.

— Наших слышно, — сказал Аш.

— И только. За пределами участка – ничего. А должны быть чужие шаги, тележки, вода, писк. Я не увидел ни одного крысюка, не услышал ни одного слизня.

— Разве слизней слышно?

— Когда они ползут по камню – слышно.

— Может, пропавшие бригады распугали всё живое?

— Может. Только тогда хочется знать, что напугало их самих.

До Крыгорода Баламут охранял караваны. Обычно Аш вспоминал об этом только из его баек – там Баламут в одиночку побеждал армии и получал в награду сестру князя. Сейчас прошлое было видно без всяких рассказов: в неподвижной стойке, в пальце возле спуска и во взгляде, которым он раз за разом проверял один и тот же тёмный проход.

— Передай Вормоту: мне это не нравится. Пусть никто не ходит один. И сам не отходи от лагеря.

— Я и не собирался.

— Тогда не начинай.

Обычно Аш нашёл бы, что на это ответить. Сейчас просто кивнул.

Когда он вернулся, разговор у огня прекратился. Вормот уже поднял обе кирки, Смирный затягивал ремень каски. Магкамень лежал там, где Аш его оставил, и снова светился не ярче остальных.

Аш передал слова Баламута целиком.

— Я же говорил, надо было возвращаться, — сразу произнёс Доходяга. — Собираемся и уходим. Сейчас.

— После дороги и полной смены? — спросил Ряба. — До причала половину людей на тележках повезём.

— Зато живых.

— Никто никуда сейчас не идёт, — сказал Вормот. — Выставляем двойной дозор. Оружие держать под рукой. По одному даже до края участка не ходить. Отдыхаем, после сна решу, продолжаем работу или возвращаемся.

Доходяга хотел возразить, но Вормот уже повернулся к Ашу.

— В мешок.

— Я могу дежурить.

— Не можешь.

— Я не устал.

Руки Аша задрожали, когда он попытался поднять миску. Предательство с их стороны было совершенно лишним.

Вормот забрал у него посуду.

— Спать.

Аш улёгся, не раздеваясь, и положил рядом каску. Кирку ему не дали, поэтому он придвинул к себе ведро. Защититься им было нельзя, зато проснуться от грохота — вполне.

Вормот и Смирный ушли сменять Баламута. Остальные переговаривались возле огня тише обычного. Доходяга несколько раз проверил темноту за границей лагеря. Гниляк положил кирку поперёк колен и заявил, что просто не нашёл для неё другого места. Пеструшка больше не шутил про светящиеся камни.

Аш натянул край спального мешка до подбородка. Перед глазами всё ещё стоял магкамень, вспыхивающий у него в ладони. Стоило закрыть глаза, голубой свет сменялся тёмным проходом за спиной Баламута.

Он собирался дожидаться возвращения Вормота и потребовать обещанное «потом». По голосам у костра ещё можно было понять, где находятся остальные. Шаги дозорных тоже иногда доносились из прохода. Аш держался за эти звуки, пока они не смешались и не отдалились.

Когда он снова открыл глаза, вокруг уже не было ни лагеря, ни спальных мешков.

Клетка ждала его на прежнем месте.

Она висела среди ветвей огромного дерева — так высоко, что внизу не было видно земли, и так далеко от ствола, что до него не получалось дотянуться. Толстые деревянные прутья окружали Аша со всех сторон. Двери в них не было. Ни запертой, ни спрятанной — никакой.

Аш знал здесь каждую щель.

Он не раз пытался просунуть между прутьями голову. Плечи не проходили. Пытался раскатать клетку, чтобы она сорвалась с ветки. Тогда дерево начинало гнуться вместе с ней, но не ломалось. Кричал вниз, пока не исчезал голос. Под ним не отвечало даже эхо.

Так было всегда. Сколько Аш себя помнил, кошмар начинался клеткой и заканчивался ею же. Иногда он понимал, что спит, и пытался проснуться. Иногда забывал. Разницы не было.

В этот раз изменился свет.

Между чёрными листьями появилась красная точка. Сначала Аш принял её за искру. Потом искра развернула крылья и полетела к нему.

Птица была крупнее любого петуха, продававшегося на Крысиной площади. Красно-жёлтые перья шевелились, как языки огня, но не сгорали. Только концы оставались дымчато-серыми, словно их присыпало пеплом. Она сделала круг вокруг клетки, заглянула внутрь сначала с одной стороны, затем с другой и уселась на верхние прутья.

От неё исходило тепло.

Аш поднял руку. Птица наклонила голову и посмотрела на него жёлтым глазом – внимательно, почти недовольно.

— Наконец-то нашла, — сказала она.

Клюв при этом двигался. Голос оказался женским, чистым и немного усталым.

— Ты говоришь.

— Значит, одна из твоих способностей – замечать очевидное. Уже неплохо. Я боялась, что ты ещё и безнадёжно тупой.

Во сне говорящая птица удивляла меньше, чем птица, сумевшая найти его там, где никто прежде не слышал даже крика.

— Меня зовут Аш, — сказал он. — А тебя?

Огненные перья вспыхнули ярче. На миг птицу скрыло пламя, а когда оно опало, на клетке сидела девушка. Молодая, босая, с огненно-рыжими волосами и жёлтыми перьями среди прядей. Ноги она свесила между прутьев, будто забралась не на клетку над бездной, а на низкий забор.

— Местного имени у меня пока нет, — сказала она. — Но раз ты Аш, зови меня Ашей. Так проще запомнить.

— Ты меня знаешь?

— Я тебя искала.

Вопросов сразу стало слишком много. Аш выбрал главный:

— Ты знаешь, откуда я взялся?

Улыбка Аши сделалась меньше.

— Знаю достаточно, чтобы найти тебя. Остальное расскажу, когда выберешься.

— Отсюда?

Аш схватился за два прута и дёрнул. Они даже не скрипнули.

— Здесь нет двери. Я всё проверял.

— Тогда перестань искать дверь.

— Между прутьями я тоже не пролезаю.

— Сожги их.

Аш отпустил клетку и посмотрел на собственные ладони.

— Чем? У меня ничего нет.

— Есть. — Аша снова стала птицей. — Просто ты всё время ищешь снаружи.

Она расправила крылья.

— Подожди. Где искать?

Птица шагнула с клетки прямо в пустоту. Пламя подхватило её прежде, чем она успела упасть.

— Загляни внутрь себя, — донёсся голос.

— Аша! Вернись! Ты же обещала рассказать!

Огненная точка исчезла между листьями.

Аш закричал её имя ещё раз и проснулся от того, что кто-то тряс его за плечо.

Над ним склонился Гниляк. В одной руке он держал фонарь, другой продолжал трясти спальный мешок.

— Вставай. Всех перебудишь.

Аш сел. Клетка исчезла, но ощущение прутьев под ладонями осталось. У костра ворочались остальные. В дальнем проходе горели два дозорных огня. Значит, лагерь был на месте. Вормот тоже.

— Я кричал?

— Ашу какую-то звал, — осклабился Гниляк. — Девки уже снятся, значит.

— Она сначала птицей была.

Ухмылка Гниляка стала заметно меньше.

— Иди умойся.

Холодная вода окончательно прогнала сон, но не Ашу. Она осталась в памяти слишком ясной: дымчатые концы перьев, жёлтые глаза, тепло посреди кошмара. Обычные сны рассыпались после пробуждения. Этот продолжал стоять перед ним, куда бы Аш ни посмотрел.

Пока он ел, Вормот и Смирный вернулись с поста. Баламут уже сидел у огня: после смены его отправили спать первым. За время двойного дозора никто не появился. Ничто не приблизилось к участку. Пеструшка заметно расслабился, Ряба убрал ладонь с рукояти кирки. Баламут, судя по лицу, хорошей эту новость не считал.

Вормот поставил обе кирки возле тюков и сел рядом с Ашем.

— Выспался?

— Не очень.

— Гниляк разбудил?

— Клетка.

Вормот ждал продолжения. Аш уже собирался рассказать про огненную птицу, но вспомнил его лицо у магкамня.

— Когда ты нашёл меня, камни рядом тоже светились?

Вормот не ответил сразу. Он взял кружку, отпил воды и поставил её на землю точно на прежнее место.

— Не помню.

— Ты помнишь всё остальное.

— Не всё.

— Но вчера ты что-то знал.

— Я знал, что все вокруг смотрят на тебя и ждут объяснения, которого у меня нет.

— Поэтому отправил меня к Баламуту?

— Поэтому отправил тебя подальше от этого разговора.

Ответ был почти честным. От этого становилось только труднее понять, где именно Вормот остановился перед правдой.

— Я когда-нибудь узнаю, почему оказался на шестнадцатом уровне?

Вормот посмотрел на него сверху вниз. Большая ладонь легла Ашу на затылок и один раз взъерошила волосы.

— Придёт время – узнаешь.

— Ты всегда так говоришь.

— Потому что сегодня у нас пропавшие бригады, молчащая Шахта и дорога наверх. Сначала я вытащу тебя отсюда. Потом будем искать ответы.

Аш хотел напомнить, что дорогу сюда выбрал он. Но Вормот уже поднялся.

— И о том, что магкамни рядом с тобой светятся ярче, пока никому за пределами бригады. Вернёмся – тебя осмотрит Умник.

— Потому что это опасно?

— Потому что о необычных вещах быстро узнают банды. А потом приходят и забирают. Вормот повернулся к остальным.

— Слушаем. Работаем сокращённую смену. Только ближний забой, в проходы не лезем. Вещи держим собранными. Добираем вторую норму, едим и уходим к причалу. По одному не ходить. Баламут и Смирный – первая пара. Смена каждый час.

— А сразу уйти нельзя? — спросил Доходяга.

Ряба похлопал по одному из мешков.

— Можно. Тогда после расчёта с «Жалом» и за припасы нам почти ничего не останется.

— Еда не понадобится, если нас сожрут.

— Поэтому смена короткая, — оборвал Вормот. — Решение принято.

Он посмотрел на Аша, словно ожидал возражения. Аш промолчал. Вчера его голос уже отправил всех вперёд. Сегодня Вормот принял решение сам, но легче от этого почему-то не стало.

Спальные мешки свернули. Тюки перетянули ремнями. У огня оставили только еду, воду и то, что можно было закинуть в тележку за несколько мгновений. Гниляк положил кирку так, чтобы достать не вставая. Доходяга вместе с Рябой проверил дорогу к выходу. Баламут и Смирный заняли прежний пост.

После этого дробилка снова загрохотала.

Они работали быстрее, чем накануне, и почти не разговаривали. Казалось, даже дробилка сегодня старалась грохотать как можно тише. Пеструшка больше не обещал, что каждый оборот рукоятки последний. Гниляк ругался вполголоса. Даже удары Вормота казались короче.

Магкамни по-прежнему разгорались в руках Аша, но теперь никто не останавливал работу и не оборачивался. За одну смену странность успела стать частью рабочего порядка.

Аш пытался отыскать среди узоров огненную птицу из сна. Она не попадалась. Зато слова Аши вспоминались при каждом голубом отблеске.

Загляни внутрь себя.

Он несколько раз закрывал глаза и прислушивался. Внутри обнаружились дыхание, стук сердца, голод и отголоски боли от натруженных плеч. Огня там не было.

Возможно, сон означал не настоящий огонь. Умник говорил, что сны умеют брать простую вещь и делать из неё знак чего-то другого. Клетка могла быть Куполом. Прутья – Крыгородом. Огонь – желанием выбраться.

Объяснение наверняка устроило бы Умника, но Ашу оно совершенно не помогало.

За пределами участка по-прежнему ничего не происходило.

Дозорные сменялись парами. Каждая пара возвращалась с одним и тем же: следов нет, звуков нет, проходы пусты. Баламут и Смирный поели прямо на посту, когда Пеструшка с Гниляком принесли им смену. Один раз Аш поймал взгляд Баламута у поворота. Тот поднял ладонь: стой на месте. Аш и не собирался подходить, но всё равно остановился. К концу сокращённой смены очередь снова дошла до Баламута и Смирного.

К середине смены второй ряд мешков был почти полон. Ряба пересчитал добычу и показал Вормоту два пальца. Вормот кивнул.

— Последний мешок. Потом сворачиваемся.

Никто не попросил добавить ещё один.

Последнюю магрудку переработали так быстро, что дробилка ещё продолжала вращаться, когда в раструбе уже ничего не осталось. Пеструшка отпустил рукоять. Наступившая тишина навалилась на участок сразу со всех сторон.

Аш слышал потрескивание огня. Звяканье пряжки на тюке. Чьё-то дыхание.

И больше ничего.

— Всё, — сказал Вормот. — Груз увязать. Выходим после еды. Аш, отнеси Баламуту и Смирному их долю и скажи, что пост снимаем.

На этот раз Аш не спорил. Чем раньше вернутся Баламут и Смирный, тем раньше они уйдут.

Он взял два свёртка с хлебом и вяленным крысиным мясом. До поста было недалеко, но Вормот всё равно отправил с ним Пеструшку. Они вышли вместе и не расходились даже там, где проход позволял идти рядом.

На каменном уступе горели два фонаря.

Ни Баламута, ни Смирного не было.

Аш остановился у уступа. Сначала решил, что дозорные вместе проверяют тёмный проход. Потом заметил самострел Баламута, обе кирки и связку факелов. Они не ушли бы в разведку без оружия. Не после всего, что говорил Баламут.

— Баламут? Смирный? — позвал Пеструшка.

Ответа не было.

— Эй! Мы уходим! Вормот сказал снять пост!

Ни шагов. Ни голоса.

Пеструшка поднял один из фонарей и осветил в оба прохода. Затем передал его Ашу, а сам взял с уступа заряженный самострел.

— Свет держи впереди. Идём назад, держись за мной.

От лагеря больше не доносилось ни звона пряжек, ни голосов, ни треска огня.

Они не дошли до поворота нескольких шагов. Из темноты метнулась белая нить и обвилась вокруг груди Пеструшки. Он успел толкнуть Аша к стене, прежде чем его сбило с ног.

— Беги к причалу!

Пеструшка вцепился в камень, но вторая нить захлестнула руку. Самострел грохнул о пол. Его рвануло за поворот так быстро, что Аш увидел только скользящие по камню сапоги.

Свёртки выпали у Аша из руки.

Он должен был развернуться и бежать в другую сторону.

Вместо этого Аш поднял фонарь и бросился за Пеструшкой.

Первый белый свёрток лежал у самой границы света. Толстые нити опутывали Доходягу с ног до головы и стягивали руки к телу. Он дёргался, перекатываясь по камню, но паутина только сильнее липла к одежде.

Дальше их было ещё четыре.

Ряба оказался прижат к мешкам. Гниляк бился возле костра, и его кирка лежала совсем рядом – на расстоянии ладони, которую он не мог протянуть. Вормота паутина превратила в огромный белый кокон. Нити на его плечах натянулись так, что зазвенели, но не порвались.

Пеструшку замотали последним. Одна щека и рот оставались открыты. Он увидел Аша и замер.

В его глазах не было ни удивления, ни просьбы помочь. Только страх.

— Беги, — выдохнул он. — К причалу. Не стой!

Аш попятился.

Он должен был послушаться. Добежать до рабочего двора, привести людей, вернуться с огнём и оружием. Вормот сделал бы именно так.

Но Вормот лежал в двух шагах. Гниляк продолжал тянуться к кирке. Паутина на груди Рябы едва заметно поднималась – значит, он дышал. Они были живы. Все ещё были здесь.

Аш не смог повернуться к ним спиной.

За затылком что-то шевельнулось.

Он успел увидеть тень, скользнувшую по каменному полу. Потом тёплая липкая нить ударила между лопаток и мгновенно обвилась вокруг груди. Аш рванулся вперёд. Вторая нить перехватила локти, третья захлестнула ноги.

— Вормот!
Крик оборвался, когда паутина легла на рот.

Аша дёрнуло назад. Камень ушёл из-под ног. Он ударился плечом, попытался вцепиться пальцами в пол, но нити уже затягивались вокруг ладоней. Перед глазами мелькнули костёр, белые коконы и лицо Пеструшки.

Потом всё исчезло.

Его несли в темноте.

Аш не видел как. Кокон покачивался, иногда задевал стену, потом резко поднимался. Липкие нити давили на лицо и грудь. Воздух проходил через них с трудом, пах пылью, сыростью и чем-то сладким, гнилым.

Он пытался считать повороты. Один вправо. Два влево. Подъём. Снова вправо. После следующего рывка счёт сбился. Аш начал сначала и потерялся ещё быстрее.

Наконец движение прекратилось.

Кокон качнулся и остался висеть. Под ногами не было опоры. Рядом что-то тяжёлое ударилось о стену, затем ещё раз.

Аш замер и прислушался.

Слева раздалось приглушённое мычание. Дальше кто-то судорожно втянул воздух. Справа натянулись и затрещали нити – так мог бороться только Вормот.

Живы.

Аш попытался ответить. Из-за паутины получился лишь слабый стон. Он задвигал плечами, ударил кокон коленями, попробовал освободить хотя бы один палец. Ничего. Чем сильнее он бился, тем теснее нити прижимались к телу.

Он вспомнил клетку.

Сожги её.

Аш зажмурился и представил, что где-то под рёбрами спрятана дверца, за которой ждёт огонь. Он шарил в темноте собственного сознания, звал, приказывал, вспоминал тепло Аши. В ответ были только боль и страх.

Рядом снова натянулась паутина. Кто-то застонал.

Аш продолжал искать, пока не перестал чувствовать пальцы. Потом – пока не кончились силы. В конце концов он просто повис в коконе, маленький, неподвижный и совершенно бесполезный.

Если бы вчера он сказал «возвращаемся», сейчас они были бы наверху.

От этой мысли стало больнее, чем от нитей.

Аш заплакал. Слезы впитывались в паутину у щёк, а он даже не мог поднять руку, чтобы вытереть лицо.

Логово над головой

Вормот не мог пошевелить даже пальцем.

Паутина стянула руки вдоль тела, сдавила колени и проходила поперёк лица. Сквозь белые нити пробивался тусклый голубой свет. Воздуха хватало, если дышать медленно. Каждая попытка вдохнуть глубже затягивала кокон ещё туже.

Где-то рядом кто-то бился. Слева глухо мычали. Справа натянулись нити, и вся паутиная опора под Вормотом задрожала.

Бригада была жива.

Пока этого хватало.

Вормот перестал дёргаться и заставил себя думать.

Он устроил голосование. Поставил ребёнка перед двумя плохими дорогами и назвал это справедливостью. Аш выбрал ту, которую хотел выбрать сам Вормот, – спуститься, заработать, не возвращаться с пустыми руками. Удобно получилось. Если всё закончится хорошо, бригадир уважил голос каждого. Если плохо – решение вроде бы приняли вместе.

Теперь все висели в паутине.

Нет. Не все решили. Решил он. Взрослый человек не отдаёт ребёнку последний голос, когда обе дороги могут закончиться смертью.

Вормот медленно выдохнул.

Вину разберёт потом. Сейчас нужны были руки.

Он напряг правое плечо. Паутина впилась в кожу. Не поддалась. Вормот расслабился, нащупал пальцами направление нитей и попробовал снова – не рвануть всем телом, а повернуть кисть там, где несколько липких слоёв сходились под разными углами.

Одна нить сдвинулась.

Он продолжил давить. Кокон пережал грудь, перед глазами поплыло. Вормот остановился, набрал столько воздуха, сколько позволяла паутина, и снова повернул руку.

Что-то лопнуло.

Правая кисть вышла наружу. Следом локоть. Вормот сорвал нити с глаз и рта и впервые увидел, куда их притащили.

Они лежали на огромном гамаке из паутины, натянутом в каменной полости под самым сводом уровня. В стенах голубели магкамни. Их света хватало, чтобы различить семь коконов вокруг.

Все семь шевелились.

Ближайший был ростом с Баламута. За ним дёргался маленький кокон Аша. Дальше Вормот узнал широкие плечи Смирного, тощие ноги Доходяги, тяжёлое тело Гниляка. Ряба и Пеструшка лежали у противоположного края гамака.

Твари нигде не было.

В Крыгороде рассказывали о Черномамке. Будто прекрасная женщина пением заманивает шахтёров, а её ручные пауки заворачивают людей в сети и уносят в подземное королевство. Вормот считал эту часть сказки обычной чепухой. Паутина оказалась настоящей. Насчёт прекрасной женщины он по-прежнему сомневался.

Маленький кокон вздрогнул. Изнутри донёсся слабый звук.

Вормот потянулся к Ашу, но свободная рука не доставала. Сначала нужно было выбраться самому.

Он ощупал гамак вокруг. Паутина держала его вес без заметного провисания. Справа лежал Баламут. Если старый вун не изменил многолетней привычке, за голенищем у него должен быть нож.

В рассказах Баламута этот нож перерезал горла великанам, вскрывал драконью броню и однажды остановил обвал. В действительности клинок был коротким, кривым и зазубренным. Сейчас Вормот согласился бы и на половину клинка.

Он перекатился на бок. Гамак качнулся. Баламут замычал громче.

— Лежи, — прошептал Вормот. — Нож достаю.

Ответ прозвучал возмущённо, но Баламут перестал биться.

Вормот нащупал сапог, просунул пальцы под голенище и вытянул рукоять. Нож оказался на месте.

Первым делом он перерезал нити у себя на груди. Лезвие застревало в каждом липком слое. Приходилось натягивать паутину рукой и пилить, пока волокна не расходились. Освободив вторую руку, Вормот разорвал остатки кокона и пополз к Ашу.

— Я здесь, — сказал он, прежде чем начал резать.

Кокон снова дёрнулся.

Вормот освободил лицо мальчика. Щёки у Аша были мокрыми, дыхание сбивалось. Увидев Вормота, он попытался что-то сказать, но только втянул воздух.

— Потом. Дыши.

— Я не послушал тебя и не побежал, — выговорил Аш.

— Вижу.

Вормот понял: Аш оправдывался за то, что вернулся к коконам вместо бегства. Ругать его за это Вормот не собирался. Ребёнок увидел свою семью в коконах и не смог уйти. Именно этому его все годы и учили – своих не бросают. Требовать теперь обратного было бы лицемерием.

Он разрезал нити на груди и руках Аша, вытащил его из кокона и на мгновение прижал к себе. Аш вцепился в рубаху обеими руками.

— Сиди рядом. Не отходи.

Вормот вернулся к Баламуту. После освобождения рук тот забрал собственный нож и принялся резать паутину на ногах.

— А я говорил, что это великая вещь, — прошептал он.

— Режь.

Вдвоём они освободили Смирного. Втроём – остальных. Чем больше людей выбиралось, тем быстрее шла работа: одни натягивали нити, другие разрывали ослабленные слои руками. Последним вытащили Гниляка. Тот открыл рот, но Вормот прижал палец к губам.

Впервые Гниляк подчинился без препирательств.

Восемь человек сидели на паутином гамаке. Оружия не было. Один нож почти затупился. Где-то рядом находилось существо, способное унести всю бригаду так тихо, что двойной дозор не успел подать голоса.

— Уходим, — прошептал Вормот.

Он выбрал самый широкий проход. Оттуда тянуло дымом их костра. Вормот пополз первым, проверяя паутину перед собой. За ним держался Аш, затем остальные. Баламут замыкал строй с ножом в руке.

Проход закончился обрывом.

Далеко внизу горел костёр. Вокруг него стояли тележки и лежали собранные тюки. С такой высоты лагерь помещался у Вормота на ладони. Каменная стена уходила вниз почти отвесно. Ни ступеней, ни выступов, способных выдержать человека.

Они находились над собственным участком. Логово всё это время висело у них над головами.

Вормот лёг на живот и перегнулся через край. До ближайшей надёжной площадки было слишком далеко. Прыжок убьёт даже его. Других выходов из полости он не видел, а возвращаться в глубину означало искать дорогу навстречу хозяйке паутины.

— Спуск есть? — спросил Баламут.

— Для паука.

Доходяга закрыл глаза. Пеструшка осмотрел стены. Ряба потрогал ножом край паутинового гамака.

— Канат, — сказал Аш.

Вормот обернулся.

Аш всё ещё дрожал. На щеке остался белый обрывок нити, но взгляд был ясным.

— Из коконов, — продолжил он. — Они удержали всех нас. Если скрутить несколько слоёв и привязать здесь...

Он показал на каменный выступ у края.

Мысль была хорошей. Вормоту не понравилось лишь то, что её снова предложил Аш. Хотелось посадить мальчика за спину, запретить говорить и самому придумать что-нибудь другое.

Другого не было.

— Делаем, — сказал Вормот. — Ряба вяжет. Смирный и Баламут скручивают. Остальные режут и подают.

— А я? — спросил Аш.

Первым ответом едва не стало «сидишь у стены». Вормот проглотил его.

— Отделяй тонкие нити от плотных. От меня не отходи.

Работа началась.

Кокон не хотели становиться канатом. Паутина липла к пальцам, собирала пыль и пыталась стянуться обратно в бесформенные комки. Люди обматывали ладони кусками одежды, растягивали полотна, свивали их в жгуты и уже из жгутов плели толстую верёвку.

Нож Баламута затупился окончательно. Последние слои Вормот рвал руками.

Каждая минута тишины означала, что тварь ещё не вернулась. Или уже вернулась и наблюдала.

Вормот несколько раз проверял проход за спиной. Пусто.

Наконец Ряба затянул последний узел. Один конец каната обвили вокруг каменного выступа и закрепили тройной петлёй. Другой сбросили вниз. Он не достал до пола, но закончился над каменным уступом, с которого уже можно было спрыгнуть без переломанных ног.

Вормот навалился на канат всем весом. Узел выдержал.

— Я первый, — сказал Баламут. — Если удержит меня, остальных тем более.

Вормот кивнул. Сам он был тяжелее, но должен был остаться наверху последним.

Баламут перебрался через край и начал спуск. Канат вытянулся, заскрипел по камню, но удержал. Добравшись до нижнего конца, Баламут раскачался и спрыгнул на площадку.

— Цел, — донеслось снизу.

— Аш, ты следующий, — приказал Вормот.

Мальчик посмотрел вниз и побледнел.

— Обхвати ногами. Руками не скользи. Баламут поймает.

Аш кивнул и полез. Вормот держал канат у края, пока голова мальчика не скрылась ниже. Баламут действительно поймал его на последнем прыжке и сразу отвёл от стены.

После Аша спустились Доходяга, Гниляк, Пеструшка, Ряба и Смирный. Каждый переходил к лагерю и подбирал первое попавшееся оружие. Вормот следил, чтобы люди не собирались в одну кучу и смотрели в разные стороны.

Когда Смирный спрыгнул, Вормот остался наверху один.

Он ещё раз проверил проход. Пусто.

Вормот обхватил канат и начал спускаться.

До земли оставалась примерно половина пути, когда Баламут вскинул самострел.

— Справа!

Вормот повернул голову.

По стене над лагерем неслась чёрная тварь. Она была больше Вормота и лишь отдалённо напоминала паука. С одной стороны лап оказалось больше, чем с другой. Тяжёлое тело клонилось набок. По чёрной шерсти шли бурые пятна и наросты.

Никакой прекрасной женщины.

Баламут выстрелил. Соляной заряд рассыпался по камню: тварь изменила направление прежде, чем щёлкнула тетива.

— Аш! — рявкнул Вормот.

Мальчик успел обернуться.

Черномамка спрыгнула со стены, подхватила его передними лапами и одним движением вернулась на камень. Ряба ударил киркой, но попал по пустому месту. Пеструшка ухватил Аша за ботинок. Тварь дёрнула сильнее, и ботинок остался у него в руках.

Черномамка спустилась почти к самому полу и понесла мальчика к боковому штреку, вход в который темнел у основания стены.

Вормот зажал канат ступнями и ослабил хватку.

Паутина обожгла ладони. Каменная стена пронеслась перед лицом. Он ударился о нижний уступ, перекатился и вскочил прежде, чем боль успела добраться до коленей.

— Остальные – к причалу! — бросил он. — Баламут за старшего!

И побежал вслед за Черномамкой.

Перо Пламени

Черномамка несла Аша боком.

Две передние лапы сжимали его поперёк живота, остальные перебирали по стене и потолку. Камень метался перед глазами – то совсем близко, то в нескольких шагах внизу. Босая нога цеплялась за выступы. Второй ботинок ещё держался, но толку от него не было: Аш не мог ни упереться, ни пнуть тварь как следует.

Позади кричали.

Он различил голос Вормота, потом грохот кирки, ругань Гниляка. Пеструшка всё ещё сжимал оторванный ботинок. Баламут поднял самострел и пытался поймать цель, не задев Аша.

Черномамка одним рывком взлетела выше. Люди внизу исчезли за краем стены.

— Вормот!

Крик отразился от камня и вернулся тонким, чужим эхом.

В низком проходе Черномамке пришлось спуститься с потолка. Лапы застучали по полу, тяжёлое тело повело в сторону. Аша мотало вместе с ним. Он обеими руками вцепился в мохнатую лапу, попытался оторвать её от живота и оказался лицом к лицу с тварью.

Она не была огромным пауком. Паук хотя бы выглядел так, будто каждая его часть выросла на своём месте. Черномамку словно собирали в темноте и несколько раз ошиблись. Слева лап оказалось больше, чем справа. Бурые наросты вздували чёрную шерсть на спине, один бок был тяжелее другого. Жвалы возле головы двигались не вместе: одно судорожно дёргалось, второе оставалось неподвижным. Над ними теснились глаза – большие и маленькие, мутные и блестящие. Все смотрели в разные стороны, но несколько неотрывно следили за Ашем.

Ни злости. Ни голода. Ничего, что можно было понять.

Аш ударил кулаком по ближайшему глазу.

Черномамка дёрнула лапой и прижала его крепче. Воздух вышибло из груди. Перед глазами потемнело, однако тварь не остановилась. Она несла добычу осторожно, почти бережно, и от этого стало ещё страшнее.

Проход резко повернул. Где-то сзади снова донёсся голос Вормота – уже ближе.

Аш набрал воздуха.

— Сюда!

Черномамка ускорила.

Штрек оборвался просторной пещерой. Голубые магкамни в стенах горели едва заметно, и поначалу Аш увидел только чёрный свод и серый пол. Пока Черномамка несла его к середине, глаза привыкли к полумраку.

Вдоль стен лежали кости. Не целые скелеты, а отдельные, тщательно обглоданные куски. На некоторых ещё белели клочья паутины. В углублениях пола блестела густая слизь. От неё шёл сладковатый запах – тот самый, который Аш чувствовал сквозь кокон.

Черномамка опустила его на ноги.

Аш сразу рванулся к проходу.

Вязкий ком ударил сзади под колени. Он успел сделать ещё шаг, прежде чем нити затвердели, стянули ноги вместе и приклеили подошву ботинка к камню. Аш качнулся, взмахнул руками и едва удержался на ногах.

Черномамка уже отползала. Она поднялась по стене, замерла под самым потолком и развернулась к нему. Многочисленные глаза поблёскивали в слабом свете.

— Чего тебе надо? — крикнул Аш.

Ответа он не ждал. Кричать было легче, чем слушать собственное дыхание.

Он нагнулся и вцепился в паутину. Пальцы прилипли. Аш дёрнул сильнее, сорвал верхний слой, но под ним обнаружился второй – толстый, тягучий и уже успевший затвердеть. Он попытался высвободить босую ногу. Нити только глубже вдавились в кожу.

Черномамка раскрыла жвалы.

Визг ударил в голову.

Аш зажал уши, но звук будто рождался прямо внутри черепа. Пещера качнулась. Свет магкамней размазался по стенам голубыми полосами. Аш закрыл глаза и продолжал слышать визг ещё несколько мгновений после того, как Черномамка умолкла.

Затем пришёл шорох.

Сначала тихий, похожий на песок, который сыплется по камню. Потом громче. Он шёл сразу отовсюду.

Аш открыл глаза.

Пол возле дальней стены двигался.

Из трещин, из-под костей, из углублений со слизью выползали маленькие бледные твари. Мягкие тела изгибались между короткими чёрными лапками. На месте голов раскрывались круглые рты, обрамлённые мелкими зубами. Некоторые были не длиннее пальца. Другие раздулись почти до размера крысы. Они падали со стен, переворачивались и продолжали ползти.

К нему.

Аш снова рванул паутину. Кожа на ладонях горела, верхние нити лопнули, но ноги не освободились.

— Вормот! — закричал он. — Сюда!

Только эхо.

Первая личинка добралась до босой ступни. Аш извернулся и прихлопнул её ладонью. Тельце лопнуло с влажным хрустом. На его месте тут же оказались три других.

Он смахнул их с голеней. Одна отлетела в сторону, вторая прилипла к штанине, третья сомкнула зубы на коже возле щиколотки.

Боль оказалась маленькой, но очень настоящей.

Аш сорвал тварь рукой и швырнул в стену. Ещё одна уже ползла по ботинку. Две добрались до коленей. Он сбивал их ладонями, давил кулаками, смахивал целыми горстями. Мягкие тела лопались под пальцами. Слизь делала ладони скользкими. Круглые рты цеплялись за одежду и не отпускали, пока Аш не отрывал их вместе с нитками ткани.

Твари прибывали.

Они покрыли паутину у ног, полезли друг по другу, облепили голени. Аш закричал им в лица, хотя лиц у них не было. Он бил, пока перестал чувствовать пальцы, но на место каждой раздавленной личинки наползали новые.

Одна добралась до пояса.

Аш отшатнулся. Склеенные ноги не удержали его, и он рухнул на спину.

Лопатки ударились о камень. Воздух снова вышибло из груди. Личинки хлынули на него с пола, забрались под рубаху, зашевелились на шее. Аш закрыл лицо руками. Зубы впились в запястье, в бок, в плечо. Он пытался перекатиться, раздавить их собственным телом, но паутина держала ноги, а пол под спиной уже шевелился.

Черномамка смотрела сверху.

Вот и всё.

Мысль пришла спокойно, но была страшнее, чем любой вопль.

Он сам привёл бригаду на этот участок. Вормот бежал за ним и тоже войдёт сюда. Потом личинки доберутся до остальных. Пеструшка потерял ботинок, пытаясь удержать Аша, и, если бы пальцы были сильнее, Черномамка утащила бы обоих.

Аш перестал отбиваться.

Одна из тварей поползла по его щеке.

— Уже устал? — спросила Аша.

Личинка застыла возле глаза.

Исчез шорох. Капля слизи, сорвавшаяся с круглого рта, повисла в воздухе. Черномамка замерла на своде с приподнятой лапой. Даже боль застыла: укусы остались, но зубы больше не входили в кожу.

Аш не видел огненную птицу. Голос звучал рядом, хотя в пещере никого не прибавилось.

— Я уже пытался, — ответил он. — Там ничего нет.

— Ты искал огонь так, будто обронил его в кармане.

— А как надо?

— Глубже.

— Я не знаю как.

Несколько мгновений Аша молчала. Когда заговорила снова, насмешки в голосе не осталось.

— Представь, что внутри тебя Шахта. Спускайся мимо знакомых уровней и не останавливайся.

— До какого уровня?

— Пока не найдёшь то, что тебя ждёт.

Время по-прежнему стояло. Но Аш почему-то понял: стоять вечно оно не будет.

Он закрыл глаза.

Сначала не появилось ничего. Ни дверцы, которую он воображал раньше, ни спрятанного пламени. Только темнота и застывшие укусы.

Аш представил Шахту.

Не шестнадцатый уровень и не знакомый путь к участку. Огромный колодец уходил вниз через него самого. Причалы тонули в темноте. Канаты лифта терялись далеко наверху, кабина стояла перед Ашем с открытой решёткой.

Он вошёл.

Лифт дёрнулся и начал опускаться.

Мимо проплыл уровень, на котором Вормот протягивал ему каску. Следом — пустой причал и выбитая цифра шестнадцать. Ниже Аш увидел костёр, белые коконы и собственный фонарь, лежащий на камне. Хотел остановить кабину, но рычага внутри не было.

Лифт шёл глубже.

Пропали уровни. Потом стены колодца. Вокруг осталась темнота, такая плотная, что Аш перестал понимать, опускается ли ещё. Он хотел позвать Ашу, но вспомнил: она уже подсказала всё, что собиралась.

Под ногами вспыхнул красный отсвет.

Кабина остановилась.

Перед Ашем открылась пещера. Не выводковое логово с костями и слизью, а другая — высокая, тёплая, залитая светом без единого магкамня в стенах. Посреди неё возвышался каменный постамент.

Над постаментом висело перо.

Оно было длиннее руки Аша и слишком большим для птицы, которую он видел во сне. Красный цвет перетекал в золотой, золотой — в белый, а дымчато-серый кончик медленно рассыпался искрами и тут же становился целым. Перо не освещало пещеру. Свет шёл отовсюду, словно сама пещера находилась внутри него.

Аш подошёл ближе.

— Это огонь? — спросил он.

— Его часть, — ответила Аша.

— Он убьёт личинок?

— Если ты его возьмёшь.

— А Черномамку?

— Аш, я не стану выбирать за тебя.

За спиной снова слышался шорох. Очень далёкий, но с каждым мгновением всё громче. Время трогалось с места.

Аш вспомнил Вормота, бегущего по штреку. Если огонь вырвется дальше пещеры, он может попасть и под него.

— Как его остановить?

Аша не ответила.

Шорох приблизился. На запястьях снова задвигались круглые рты.

Можно было отступить. Не трогать то, чего он не понимал. Ждать Вормота и надеяться, что тот успеет пробиться через полчище личинок раньше, чем от Аша что-нибудь останется.

Но тогда он окажется в логове без оружия против твари, которая уже похитила всю бригаду.

Аш протянул руку.

— На участок тоже я выбрал идти, — сказал он. — И это выберу.

Пальцы коснулись пера.

Оно оказалось мягким и тёплым. На одно короткое мгновение Аш почувствовал каждую тонкую бороздку под ладонью.

Потом перо обхватило его руку пламенем.

Жар ворвался в запястье, поднялся по руке и ударил в грудь. Аш отшатнулся, но перо уже исчезло с постамента. Оно было внутри – огромное, раскалённое, слишком яркое для его тела.

Пещера стала белой.

Аш открыл глаза.

Огонь вышел вместе с первым вдохом.

Он не увидел, как загорелись личинки. В один миг они облепляли его руки и лицо, в следующий вокруг не осталось ничего, кроме белого света. Паутина на ногах исчезла. Слизь вспыхнула. Воздух взревел и рванулся к стенам.

Черномамка прыгнула с потолка.

Аш вскинул руки, заслоняясь.

Раскалённое, всепожирающее пламя встретило тварь в воздухе. Чёрная шерсть занялась сразу по всему телу. Черномамка упала перед ним, задёргалась, заверещала, но её визг утонул в рёве огня.

— Хватит! — кричал Аш.

Пламя не послушалось.

Оно прокатилось по полу, взобралось на стены, ворвалось в трещины и выжгло слизь из углублений. Магкамни вспыхнули так ярко, что сквозь закрытые веки проступил голубой свет. Жар пошёл в проход, по которому должен был прибежать Вормот.

— Стой!

Аш сжал кулаки, попытался втянуть огонь обратно, закрыть его, задушить в себе. Пламя только сильнее рванулось наружу. Камень под ногами задрожал. Что-то грохнуло – так близко, будто раскололся весь уровень.

Белый свет поглотил пещеру.

А потом исчез.

Аш стоял посреди тишины.

От личинок остались тёмные пятна. Кости вдоль стен рассыпались серым пеплом. Камень почернел далеко за тем местом, где лежала паутина. Черномамка сторела почти целиком: на полу корчилось огромное обугленное тело, и только концы нескольких лап ещё тлели красным.

Магкамни в стенах продолжали сиять. Каждый – ярче десятка фонарей.

Аш посмотрел на ладони. Ожогов не было. Пальцы дрожали.

Жар ушёл так же внезапно, как появился. Вместо него изнутри поднялся холод. Колени подогнулись, и Аш сел прямо в пепел. Зубы застучали. Он обхватил себя руками, но не почувствовал тепла даже под одеждой.

Из прохода донёсся кашель.

Аш вскинул голову.

Сначала в голубом свете показалась рука. Потом Вормот шагнул в пещеру, держась за стену. Рубаха на одном плече почернела, на лице лежала полоса копоти. Он хромал, но был жив.

Увидев Аша, Вормот остановился.

Его взгляд прошёл по выгоревшему полу, задержался на останках Черномамки и вернулся к мальчику.

Ашу захотелось спрятать руки.

— Я не смог его остановить, — сказал он.

Голос почти не прозвучал.

Вормот пересёк пещеру, опустился рядом и схватил Аша за плечи. Его ладони быстро ощупали руки, шею, голову, проверили укусы.

— Ты цел?

— Не знаю.

— Где болит?

— Везде холодно.

Вормот прижал его к себе. Аш уткнулся лицом в пахнущую дымом рубаху, но продолжал видеть чёрные стены поверх его плеча.

— Огонь пошёл в проход, — прошептал он. — Я думал, ты там.

— Я и был.

— Я мог тебя убить.

Вормот ничего не ответил.

Он снял жилет, закутал в него Аша и поднялся. На полпути к выходу остановился возле останков Черномамки. Один из обугленных суставов всё ещё отдавал слабым жаром. Вормот несколько раз ударил по нему каблуком, отломил конец лапы и завернул в сорванный с себя кусок рубахи.

Тёплый свёрток он прижал к груди Аша поверх жилета.

— Держи.

Аш обхватил его обеими руками. От мысли, что он греется частью Черномамки, затошнило, но тепло понемногу начало просачиваться в пальцы.

Вормот понёс его к выходу.

До бокового штреха они не дошли. Из-за поворота показались Баламут и Смирный с факелами, за ними – остальные. У Гниляка в руках была кирка, у Пеструшки – самострел. Все семеро шли тесной группой и выглядели так, будто собирались расколотить саму Шахту, если она не вернёт им Аша.

— Я велел идти к причалу, — сказал Вормот.

— Мы дошли, — ответил Баламут. — Но наверх без вас не собирались.

Первым мальчика заметил Гниляк.

— Живой?

— Живой, — ответил Вормот.

— А тварина?

Вормот посмотрел на свёрток в руках Аша.

— Больше не придёт.

Люди увидели торчащий из ткани чёрный сустав. Потом – босую ногу Аша, копоть на лице и свет, всё ещё лившийся из пещеры за спиной Вормота.

Никто не спросил сразу.

Это молчание напугало сильнее вопросов.

— Наверху скажем, что облили Черномамку всем маслом из фонарей и подожгли, — произнёс Вормот. — Она сгорела в логове вместе с выводком. Дрались все.

Баламут перевёл взгляд с него на Аша. Старый охранник не улыбался.

— А что случилось на самом деле? — спросил Ряба.

— Останется здесь.

— Понял, — сказал Баламут.

Остальные закивали. Даже Гниляк не стал спорить.

Аш сильнее сжал тёплый свёрток.

Ещё утром он хотел, чтобы бригада перестала считать его ребёнком. Хотел спуститься вместе со всеми, получить свою долю и доказать, что от него есть польза.

Теперь семерым взрослым приходилось лгать из-за того, на что он оказался способен.

Ещё недавно Аш жаждал найти в себе огонь.

Теперь он мечтал, чтобы тот исчез вместе с Черномамкой.

Кандидат без согласия

О возвращении Вормота Шейла узнала по трём быстрым ударам в заднюю дверь.

До открытия «Крысиной радости» оставалось несколько часов. В зале пахло вчерашним пивом, золой и водой с горькими травами, которой Шейла заставляла мыть столы. Один человек скрёб пол возле стойки, двое разгружали у кухни бочонок, ещё один спал в дальнем углу, натянув шляпу на лицо. Для случайного посетителя – обычные работники и слишком ранний пьяница.

Никто из них не поднял головы, когда стук повторился.

Шейла отодвинула засов.

На пороге стоял запыхавшийся парень из шахтного двора. Рыжая пыль покрывала его волосы и воротник.

— Поднимаются, — сказал он. — Все восемь. Скорпоед уже на приёмной площадке.

Радость успела прийти и тут же уступила место тревоге.

Вормот должен был вернуться ещё накануне. Потом пропала вторая бригада, а люди Скорпоеда начали расспрашивать зрителей о тридцать седьмом участке. Шейла отправила наблюдателей к подъёмникам не потому, что волновалась. Глава «Черноруких» не могла позволить себе волноваться о каждом упрямом шахтёре, который задерживался под землёй.

Так она объясняла себе это до трёх ударов в дверь.

— Сколько людей у Скорпоеда?

— Двадцать три на виду. Ещё двое на крыше склада. Может, больше.

— Наших?

— Шестеро вокруг площади. Остальные далеко.

Начать драку можно было. Закончить – уже нет.

Шейла оглянулась на человека со щёткой.

— Передай всем: оружие не доставать, пока я не прикажу. Если начнётся, выводите посторонних к торговым рядам. За Скорпоедом не гоняться.

Человек кивнул и вышел через кухню. Двое у бочонка продолжили разгрузку, но один почти сразу подхватил пустую тележку и покатил её на улицу. Спящий в углу перевернулся на другой бок. Через минуту его там уже не было.

Шейла налила воду в большой глиняный кувшин, положила сверху чистую тряпицу и вышла через парадную дверь.

Хозяйка таверны могла прийти встречать постоянных клиентов. Королева крыс – нет.

По дороге к Шахте она улыбнулась торговке лепёшками, выслушала жалобу на подорожавшую муку и пообещала купить вечером две корзины, если хлеб не окажется вчерашним. Несколько человек окликнули её. Шейла отвечала каждому, не замедляя шага.

Толпу она заметила раньше приёмной площадки.

Люди Скорпоеда заняли лучшее место – полукругом напротив подъёмника, чтобы поднявшаяся бригада сразу увидела чёрные накидки и руки возле оружия. Сам главарь стоял посередине в широкополой шляпе и дорогом хазирском балахоне. Наряд скрывал всё: сколько клинков у него под тканью, куда повернуты ступни, готов ли он ударить. Открытой оставалась только улыбка.

Зрители теснились у стен: зрители, грузчики, торговцы с Крысиной площади. Если начнётся драка, они только окажутся под ногами. Разнять две вооружённые группы здесь было некому.

Шейла встала рядом с навесом, поставила кувшин на пустой ящик и нашла глазами своих людей. Один чинил колесо возле склада. Второй торговался у ларька. Третий курил на крыше ниже стрелков Скорпоеда. Никто не смотрел в её сторону.

Подъёмник заскрежетал.

Сначала из колодца показались канаты, потом верх кабины. На площадку легла её дрожащая тень.

В кабине стояли все восемь.

Вормот возвышался над остальными, ободранный, закопчённый и без жилета. Одной рукой он придерживал Аша. Мальчик выглядел ещё хуже: один ботинок, искусанные руки, чужая одежда поверх собственной. Он смотрел перед собой и обеими руками держал завернутый в ткань длинный свёрток.

Шейла уже сделала шаг к нему, когда Скорпоед широко раскинул руки.

— Дорогой мой Вормот! — произнёс он так, чтобы слышала вся площадка. — Наконец-то. Мы начали опасаться, что Шахта лишила нас одного из лучших своих работников.

Шейла остановилась.

Сейчас она была просто хозяйкой таверны с кувшином воды. Если подойти первой, Скорпоед заметит не заботу – связь. А связи он любил превращать в повод для угрозы.

Вормот помог Ашу выйти и встал между ним и главарём «Жала».

— Ты никогда ни за кого не опасался.

— Какая несправедливость. — Скорпоед прижал ладонь к груди. — А я пришёл встретить друга и напомнить о маленьком обязательстве.

За бригадой выкатили три тележки. Магкамни лежали в мешках, перевязанных одинаковыми узлами. Ряба пересчитал их ещё в кабине и теперь держался за рукоять первой тележки так, будто Скорпоед уже запустил руку ему в карман.

— Уговор был на одну, — сказал Вормот.

— Был. Пока вы отдыхали внизу, стоимость квоты изменилась. Теперь две.

В толпе зашептались.

Шейла не повернула головы. Ей хватило отдельных слов: «совсем оборзел», «у нас следующая ходка», «две не вытянуть». Скорпоед слышал тот же шёпот и наслаждался им. Ему нужна была покорность, выставленная напоказ: независимые бригады должны были увидеть, как Вормот отдаёт добычу.

— Мы выполнили старый уговор, — произнёс Вормот. — Нового я не заключал.

— Безопасность дорожает, друг мой. Исчезают люди. В Шахте заводятся чудовища. Приходится содержать больше бойцов.

Гниляк издал звук, похожий на плевок.

— Твои бойцы хоть одну тварь там видели?

Двое людей Скорпоеда двинулись к нему. Вормот лишь повернул голову, и они остановились.

— Забирай одну тележку, — сказал он. — И уходи.

Улыбка Скорпоеда стала тоньше.

— Боюсь, ты не понял. Две тележки – не просьба.

Чёрные накидки разошлись шире. Один человек положил руку на дубинку. Другой вытащил из-за пояса короткий крюк. Стрелки на крыше не шевельнулись, но теперь Шейла видела, что оба держат самострелы на коленях.

Её люди ждали.

Шесть против двадцати пяти. Вормот и его бригада едва держатся на ногах. Вокруг безоружные грузчики. Если Шейла подаст знак, они, возможно, успеют убить Скорпоеда. Возможно. А потом «Жало» хлынет в Весёлый квартал, и город будет неделю считать мёртвых.

Она расправила тряпицу на кувшине.

Никакого знака.

Вормот тоже считал. Его взгляд прошёл по людям в чёрном, задержался на крышах, вернулся к бригаде. Аш стоял у него за спиной. Пеструшка едва заметно хромал. Доходяга был желтее обычного и прижимал руку к боку.

— Баламут, — сказал Вормот. — Отдай вторую.

— Бригадир...

— Отдай.

Баламут смотрел на него ещё мгновение, потом выкатил вторую тележку. Люди Скорпоеда сразу перехватили обе рукояти.

Шейла запомнила лица тех, кто смеялся.

— Вот теперь узнаю старого друга, — сказал Скорпоед. — Разумного, заботливого. Зачем тебе вообще надрываться ради этой компании? Моё предложение ещё в силе. Вступай в «Жало». Получишь собственный отряд, лучшие участки, выпивку. Захочешь – даже красавицу в жёны подберём.

Вормот посмотрел на него сверху вниз.

— А они?

Скорпоед окинул бригаду ленивым взглядом.

— Баламуту найдётся место. Остальных можно определить на отвалы. Если покажут себя полезными. — Он указал подбородком на Аша. — Мальчика тоже возьмём. Вырастим из него человека, а не шахтную крысу.

Аш прижал свёрток к груди. Вормот шагнул вперёд.

Люди между ними отступили, хотя Скорпоед не двинулся.

— Ответ хочешь? — спросил Вормот.

— С величайшим интересом.

— Засунь своё предложение туда, куда не добирается даже шахтный свет.

Кто-то в толпе хмыкнул. Потом ещё один человек. Смех не начался – люди Скорпоеда стояли слишком близко, – но улыбки появились на десятках лиц.

Шейла увидела, как главарь «Жала» это заметил.

— Ты устал, — мягко произнёс он. — Отдохни. Утром, может быть, передумаешь. Если нет – в следующий раз разговор будет куда менее дружеским.

Он развернулся. Две тележки покатались следом. Люди в чёрном сомкнулись вокруг добычи и ушли через площадь, намеренно не торопясь.

Скорпоед получил две трети добычи, но унижение вышло не таким, как он задумал. Все, кто стоял у подъёмника, видели: Вормот отдал камни, чтобы не подставлять своих, но служить «Жалу» отказался.

Шейла подняла кувшин.

Только теперь она подошла к бригаде.

— Я уже решила, что вы остались в Шахте. А вы вернулись едва живыми и тут же сцепились со Скорпоедом. Хоть раз можете напугать меня чем-нибудь одним?

Гниляк открыл рот, но Шейла вручила ему кувшин.

— Сначала напои всех. Потом ругайся.

Она присела перед Ашем. На запястьях темнели мелкие следы зубов, ногти были забиты чёрной пылью. Он смотрел на неё, но будто не сразу узнавал.

— Красавчик, ты меня слышишь?

Аш кивнул.

— Есть хочешь?

Он снова кивнул, на этот раз быстрее.

Это было уже лучше.

— Через несколько часов в «Радости». Я найду тебе столько еды, сколько в тебя поместится.

— Вормот праздновать хотел, — тихо сказал Аш.

— Значит, впервые за день у него появилась разумная мысль.

Мальчик попытался улыбнуться. Взгляд опустился к свёртку, и улыбка исчезла.

Шейла не спросила, что внутри.

Пока.

К вечеру «Крыскина радость» заполнилась голосами.

Шейла знала, сколько кружек стоит на каждом столе, кто платит сразу, кто попросит записать долг и кто после третьей попытается убедить музыканта сыграть бесплатно. Она успевала разливать пиво, принимать целые магкамни, проверять кухню и улыбаться так, будто ни разу за день не представляла, как перерезает Скорпоеду горло его же ножом.

В дальних углах сидели люди, которым пиво приносили редко. Они наблюдали за дверями, слушали разговоры и вставали только тогда, когда кому-нибудь требовалось убедительно напомнить правила заведения. Большинство посетителей считало их вышибалами.

Шейлу это устраивало.

Бригада Вормота заняла отдельную комнату, но дверь оставили открытой. Их голоса перекрывали общий зал. Баламут уже в третий раз рассказывал, как Черномамка бросилась на него со свода.

— Я дождался, пока она подползёт совсем близко, — говорил он, встав одной ногой на лавку, — и разбил фонарь прямо о морду. Масло – во все стороны! Тут Смирный кидает второй...

— Я не кидал, — заметил Смирный.

— Разумеется. Потому что свой ты отдал мне. И вот уже я кидаю второй...

За столом засмеялись.

История была хорошей. В ней все восемь облили чудовище маслом, подожгли выводок и чудом успели выбраться. Слишком хорошей. Каждый раз, когда Баламут уходил от заученного порядка событий, Вормот смотрел на него, а Ряба поправлял какую-нибудь мелочь. Аш не поправлял никого. При словах «огонь» и «сгорела» он опускал глаза к ладоням.

Шейла поставила перед ним глубокую миску с тушёным мясом.

— Я просил воды, — сказал Аш.

— За то, что споришь, обязан съесть минимум три ложки.

— Я не спору.

— Пять ложек.

Он взял ложку. Ел медленно, будто сначала приходилось убеждать тело принять каждый кусок. Шейла коснулась внешней стороной пальцев его лба. Холодный.

— Тебе бы лечь.

— Я только пришёл.

— Именно поэтому тебе бы лечь.

Аш посмотрел на остальных. Гниляк и Пеструшка спорили, кто первым заметил Черномамку. Доходяга рассказывал Рябе, какие болезни начинаются после паучьих укусов. Вормот сидел во главе стола и следил, чтобы мальчик ел.

— Я останусь, — сказал Аш.

Шейла не стала настаивать. Сегодня его впервые посадили за этот стол не как ребёнка, которого не с кем оставить. Если унести в постель сейчас, он запомнит именно это.

— Тогда доешь всё. И возьми одеяло с лавки.

Он послушался.

Вормот пришёл последним и принёс тот же длинный свёрток. Положил у стены осторожно, словно внутри оставалось что-то живое.

Шейла поставила перед ним кружку.

— Если это подарок мне, надеюсь, он хотя бы не кусается.

— Уже нет.

— Какая жалость. Мне нравятся подарки с характером.

Вормот устало посмотрел на неё. На виске у него темнела ссадина, борода с одной стороны подпалилась.

— Сядь, — сказала Шейла тише. — Сегодня я сама принесу всё, что закажешь.

— Ты всегда сама приносишь.

— Не разрушай красивый жест.

Он сел.

Когда кружки наполнили, Вормот поднялся и постучал вилкой по краю. Звон вышел слишком тихим. Тогда он просто сказал:

— Слушайте.

Комната мгновенно умолкла.

Шейла задержалась у двери.

— Ходка вышла дрянная, — продолжил Вормот. — Мы вместе решили идти дальше и вместе ошиблись. Вместе попались Черномамке, вместе выбрались и теперь все вместе сидим за этим столом. Поэтому пьем за бригаду. За то, что нас по-прежнему восемь.

Он поднял кружку. Остальные повторили.

— И ещё. Аш сегодня работал с нами. Решал с нами. Не убежал, когда мог. С этого дня доля у него такая же, как у остальных. Место за столом тоже. Если никто не против.

— Кто против, пусть сначала мне скажет, — заявил Гниляк.

— А потом уже не скажет ничего, — добавил Пеструшка.

Аш спрятал лицо за кружкой, но уши у него покраснели.

Баламут поднялся.

— За нового шахтёра!

На этот раз крик услышал весь зал. Люди за соседними столами подхватили тост, даже не зная причины. Кто-то ударил кружкой по столу. Музыкант сыграл победный аккорд.

Шейла смотрела на Вормота.

Он не умел красиво говорить. Не просил людей соглашаться с ним. Не обещал награды. Просто назвал вслух то, что считал справедливым, и семь совершенно разных мужчин приняли его решение как своё.

Сам Вормот наверняка считал это обычным порядком в бригаде.

Шейла видела абсолютный авторитет.

После тоста он наконец поднял свёрток на стол.

— Смотрителю показали, — сказал Вормот. — Теперь не знаю, куда деть.

— Можно повесить над кроватью, — предложил Гниляк.

— Тебе, — сказал Ряба.

— У меня потолок низкий.

Вормот развернул ткань.

Комната снова затихла.

На столе лежал обугленный сегмент лапы Черномамки. Даже отломанный, он был длиннее руки взрослого мужчины и почти такой же толстый. Из треснувшего панциря торчали жёсткие чёрные волоски. На одном боку сохранился бурый нарост, похожий на оплывшее второе колено.

Запаха почти не осталось. Только сажа, горелое масло и что-то сладковатое под ними.

Шейла видела много доказательств смерти. Окровавленные ножи. Отрезанные пальцы с кольцами. Письма, после которых человек исчезал. Большинство требовало объяснений.

Лапе объяснения не требовались.

Её можно было поднять над толпой. Показать издалека. Нарисовать несколькими грубыми линиями. Любой шахтёр поймёт: чудовище существовало, кто-то спустился к нему и вернулся.

Утром люди видели, как Скорпоед забрал две тележки у тех, кто только что уничтожил эту тварь.

Оставалось соединить два события.

Шейла всплеснула руками и нарочно повысила голос, чтобы её слышали за соседними столами.

— Так вы не байки рассказывали? Черномамка и правда была?

— Самая настоящая, — сказал Пеструшка.

— Остальное в дверь не пролезло бы, — добавил Баламут.

Шейла с удовлетворением заметила, что вокруг их стола появилось движение. Посетители оборачивались, вставали с мест, тянулись к открытой двери.

Аш, напротив, отложил ложку. Вормот увидел это и сразу накрыл лапу тканью.
— Хватит на сегодня.

Разговоры вернулись, но уже другие. За дверью кто-то спросил, правда ли это Черно-мамка. Через несколько мгновений в комнату начали заглядывать посетители. Вормот сердился, Гниляк брался демонстрировать трофей за кружку, Ряба оттаскивал его от стола.

Слух пошёл сам.

Шейла подхватила пустой поднос и вышла в зал. Проходя мимо дальнего угла, поставила на стол нетронутую кружку.

— Независимые бригады, — сказала она, не меняя улыбки. — Завтра, после первого утреннего колокола, у старой ратуши.

Мужчина в углу не посмотрел на неё.

— Сколько?

— Сколько придёт. Передайте, что Скорпоед удвоил квоту Вормота сразу после возвращения. Только правду.

— Зачем ратуша?

— Скоро узнаете. Никакого оружия на виду. Нужны полотнища и краска. Знак – перечёркнутая паучья лапа.

Мужчина взял кружку и впервые за вечер отпил.

— Вормот согласился?

Шейла посмотрела в открытую дверь отдельной комнаты.

Верзила пытался убедить Гниляка не брать с людей плату за возможность потрогать трофей. Аш сидел рядом, закутанный в одеяло. Добычу из единственной оставшейся тележки уже разделили на восемь долей и общий запас.

— Он пока ничего об этом не знает. Выполняй.

Мужчина допил пиво и ушёл.

Позже, когда половина бригады уже клевала носом, Гниляк выложил перед Вормотом короткий список.

— Масло, еда, ремни, две новые кирпичи, — сказал он. — Одной телеги на всё не хватит. А ещё до следующей ходки жрать надо.

— Возьму из запаса, — ответил Вормот.

— И надолго его хватит?

Вормот помолчал.

— До следующей ходки.

— А если Скорпоед опять две заберёт?

Ответа не было.

Шейла собирала кружки с соседнего края стола. Она позволила молчанию продержаться достаточно долго.

— Стародуб должен узнать, что происходит с квотами, — сказала она.

Вормот поднял голову.

— Стародуб едва встаёт.

— Поэтому сам на площадь не придёт. Сходи к нему утром. Расскажи о пропавших бригадах, о Скорпоеде. Лапу покажи.

— Зачем ему лапа?

— Он всё ещё мэр. Ему следует знать, что в Шахте эта мерзость кормилась людьми, пока «Жало» брало плату за безопасность.

Это было правдой. Шейла предпочитала планы, в которых почти всё было правдой.

Вормот посмотрел на завернутый трофей.

— Ладно. Зайду.

— Возьми Аша. Старик ему обрадуется.

Мальчик сонно поднял голову.

— Я не против.

Вормот кивнул.

Шейла унесла кружки на кухню, прежде чем улыбка стала заметной.

Она могла попросить Вормота выдвинуться в мэры. Он бы отказался. Объяснил бы, что отвечает только за свою бригаду, что банды ударят по близким, что он не умеет произносить речи и не хочет власти.

Все причины были разумными.

Пока люди находили такие причины, Скорпоед забирал город по тележке за раз.

Когда последний посетитель ушёл, в «Крыскиной радости» остались только те, кому не требовалось притворяться пьяницами и вышибалами. На стол легла карта кварталов. Рядом – список независимых бригад, имена смотрителей и три куса дешёвой ткани с ещё влажными рисунками.

Перечёркнутый паук выглядел понятнее лапы, поэтому знак изменили.

Шейла распределила улицы, назначила людей к ратуше и отдельно приказала следить за наблюдателями «Жала».

— А если Стародуб не захочет снова предлагать ему место? — спросил человек со шрамом на подбородке.

— Я сейчас с ним поговорю.

— Как мы узнаем, чем закончился их разговор?

— Задняя стена ратуши вся в щелях. Поставьте там человека. Если Стародуб действительно назовёт Вормота преемником, на углу появится красная тряпка. Если нет – никто не станет приписывать ему этих слов. Толпа просто поблагодарит Вормота за Черномамку.

— А если верзила сразу откажется?

Шейла сложила список.

— Сначала он выслушает людей. После этого решение будет за ним.

Она знала Вормота достаточно хорошо, чтобы быть в этом уверенной.

И достаточно хорошо, чтобы не рассказывать ему, что именно ждёт его завтра утром.

Стародуб не спал.

Шейла нашла его в дальней комнате ратуши среди грязных одеял и пузырьков с лекарствами. Единственная свеча стояла на полу возле кровати. Её огонь вздрагивал от сквозняка, проникавшего через щели в стенах.

— Поздно, — прохрипел старик.

— Поэтому я принесла ужин, а не завтрак.

Шейла поставила на табурет горшок с ещё тёплым бульоном. Стародуб посмотрел сначала на него, потом на неё.

— Бесплатно?

— Можешь оставить всё состояние заведению.

— Тогда получишь два одеяла и ночной горшок.

— Горшок продам Воротиле как древнюю вазу.

Стародуб слабо рассмеялся и тут же закашлялся. Шейла налила ему воды, подождала, пока приступ пройдёт, и помогла приподняться на подушках.

— Завтра к вам придёт Вормот, — сказала она.

— Давно не видел верзилу, — сказал Стародуб. — Буду рад. А зачем ему понадобился старик?

— Навестить вас. Я это устроила, чтобы вы снова предложили ему своё место.

— Уже предлагал. И не раз. Он каждый раз отвечал, что ему хватает собственной бригады.

— В этот раз будет по-другому. Ему впервые придётся отвечать не только вам. Просто предложите.

Стародуб прищурился.

— За дверью будет ждать толпа?

Шейла поправила крышку на горшке.

Даже болезнь не сделала старика глупее. Только лишила сил притворяться, будто он не замечает чужих планов.

— Люди придут поблагодарить победителя Черномамки, — сказала она. — Всё остальное зависит от вашего разговора.

— Ты хочешь дать городу выбор. А Вормоту?

— Я хочу не оставить город Скорпоеду.

— Это не ответ.

— Другого у меня нет.

Стародуб долго смотрел на неё, затем откинулся на подушки.

— Я подниму тему. Но преемником назову его только в том случае, если после разговора по-прежнему буду считать правильным выбором.

— Мне этого достаточно.

— Врёшь.

Шейла улыбнулась.

— Значит, вы чувствуете себя лучше.

Она поправила одеяло, придвинула воду ближе к кровати и вышла. За спиной Стародуб снял крышку с горшка.

Теперь случайности в плане не осталось. Только выбор старика, выбор города и выбор Вормота, которому Шейла заранее отвела самое неудобное место.

К старой ратуше Вормот пришёл после первого колокола.

Шейла наблюдала из пустой мастерской напротив. Через щель между ставнями были видны крыльцо, часть улицы и люди, которые по одному или по двое занимали заранее выбранные места.

Их оказалось больше, чем она ожидала.

Шахтёры независимых бригад. Грузчики. Несколько торговцев с Крысиной площади. Посетители «Радости», успевшие за ночь пересказать историю Черномамки соседям. Одни принесли полотнища с перечёркнутым пауком, другие пришли без знаков и пока не понимали, зачем их позвали.

Людей «Черноруких» среди них почти не было. Они стояли у выходов с улицы, не вмешиваясь. Шейла могла собрать людей, но не заставить их поверить. Если после первого крика они промолчат, всё обернётся плохо замаскированной сходкой её банды.

Вормот нёс лапу на плече. Аш шёл рядом в двух разных ботинках и всё ещё казался слишком бледным. Перед дверью ратуши великан оглянулся на улицу. В это мгновение люди особенно старательно занялись своими делами.

Он нахмурился, но вошёл.

Аш скрылся следом.

Оставалось ждать.

Толпа росла. Слух о собрании уже вышел из-под контроля Шейлы – лучший и самый опасный момент любого плана. Люди приводили знакомых, спорили о квотах, требовали показать лапу. Кто-то сам написал на ткани «Власть шахтёрам». Рядом появилось второе полотнище: «Хватит кормить „Жало“».

Этого Шейла не заказывала.

На дальнем конце улицы показались двое людей Скорпоеда. Один остался у стены, второй исчез в переулке. Скоро главарь узнает всё.

Шейла могла распустить собравшихся. Отложить выступление, попытаться сначала договориться с Вормотом, подготовить защиту Аша и бригады.

К полудню Скорпоед расставит здесь своих людей. К вечеру несколько зачинщиков пропадут. Завтра независимые снова опустят глаза и отдадут ему столько тележек, сколько он потребует.

Она не подала знак расходиться.

За углом ратуши мелькнул человек. На торчащем из стены гвозде появилась красная тряпица.

Стародуб назвал Вормота преемником.

Шейла подняла два пальца.

Люди у выходов с улицы двинулись первыми. Не вперёд – в стороны, освобождая середину. Человек в старой шахтёрской каске забрался на перевёрнутую бочку. Полотнища поднялись над головами.

Сначала кто-то один крикнул:

— Вормота в мэры!

Несколько голосов поддержали. Потом десятки.

— Вормота в мэры! Вормота в мэры!

Дверь ратуши распахнулась.

Вормот вышел на крыльцо и остановился. За ним появился Аш. Мальчик прижал к груди обугленную лапу – видимо, Вормот отдал ему трофей, чтобы пригнуться в дверях.

Толпа увидела доказательство и заревела громче.

Человек на бочке поднял руки.

— Смотрите! Пока «Жало» брало с нас плату за защиту, Черномамка пожирала бригады. Вормот спустился к ней и вернулся с победой! Сегодня Стародуб назвал его своим преемником. Крыгороду нужен мэр, который защищает людей, а не грабит их!

— Вормота в мэры!

Аш смотрел на людей широко раскрытыми глазами. Вормот – на человека в каске. Потом его взгляд прошёл по одинаковым рисункам, по слишком удачно вставшей бочке, по свободным выходам с улицы.

Он понял, что это не случайность.

Шейла отступила от щели между ставнями.

— Кто это устроил? — прогремел голос Вормота снаружи.

Толпа ответила новым криком.

Он мог отказаться. Конечно мог. Шейла не отнимала у него этого права.

Она лишь позаботилась, чтобы свой отказ ему пришлось произнести перед всем городом.

Интерлюдия I. Пришедший из пепла

Шестнадцатый уровень встретил разведчиков отсутствием причала.

Подъёмник остановился напротив тёмного проёма в стене центрального колодца. Между краем платформы и камнем лежало несколько человеческих ростов пустоты. Внизу не было видно ничего. Свет фонарей скользил по стенам, выхватывая старые трещины и терялся в провале.

На выработанных уровнях к платформам тянулись деревянные настилы. Их латали, подпирали балками, заново привязывали к древнему камню, но всё-таки по ним можно было пройти. Здесь ещё никто ничего не строил. Сначала должны были вернуться разведчики. Потом спустятся люди с брёвнами и канатами. И только за ними – имперские геологи, которых не отправляли туда, где их могло что-нибудь сожрать.

Шахтёрами, судя по всему, рисковать позволялось.

— Кошки готовы, — приказал старший разведчик.

Люди сняли с плеч мотки верёвок. На концах были привязаны железные крюки – каждый с тремя загнутыми лапами. Первый бросок не достал до проёма. Кошка ударилась о стену и с лязгом улетела вниз. Верёвка заскользила следом, обжигая ладони державшего её человека. Тот успел отпустить конец.

Со второй попытки крюк лёг на камень, протащился по пыли и зацепился за выступ. Разведчик дёрнул верёвку несколько раз, проверяя. Затем обвязал свободный конец вокруг стойки подъёмника.

— Кто первый?

Желающих не нашлось.

Вормот уже шагнул вперёд, но его опередил тощий мужчина с перебитым носом. Он спустился с платформы, повис над провалом и медленно пополз по верёвке, цепляясь руками и закинув на неё одну ногу. Почти добрался до камня, когда кошка сорвалась.

Мужчина успел вскрикнуть. Больше из темноты не донеслось ни звука.

Никто не предложил подняться обратно.

Обещанная за разведку награда была слишком большой. Одни собирались расплатиться с бандами, другие – купить место в хорошей бригаде или несколько месяцев не спускаться в Шахту. Вормот уже распределил свою долю: крепкие тележки, инструменты, первая квота. На всё сразу, вероятно, не хватит, но на начало – да. Достаточно, чтобы перестать работать на тех, кто забирал лучший камень и называл это платой за защиту.

Он хотел собственную бригаду.

Хотеть было мало. Нужны люди, снаряжение и право войти на участок. Но деньги давали начало. Ради этого Вормот был готов рискнуть. Только предпочитал рисковать не так глупо, как погибший.

Он взял вторую кошку, раскрутил над головой и метнул. Крюк перелетел через край проёма и исчез внутри. Вормот тянул верёвку, пока железные лапы не вцепились во что-то неподвижное. Затем намотал свободный конец на предплечье и потянул всем весом.

Канат застонал. Крюк выдержал.

— Держите конец, — сказал Вормот.

— Стойку обвяжем.

— Сначала держите.

Он не собирался доверять древнему дереву собственную жизнь. Двое разведчиков взялись за верёвку. Вормот спустился с платформы и повис над провалом.

Канат прогнулся под его весом так, что люди у стойки выругались. Вормот двигался осторожно: на каждой руке поочерёдно повисало всё его огромное тело, а под ногами не было

ничего. Зато сил хватало. Через несколько мгновений он уже стоял в проёме и вколачивал кошку глубже в трещину между камнями.

Остальные перебрались следом.

— На две группы не делимся, — сказал старший. — Дальше первой развилки не лезем. Смотрим следы, отмечаем проходы, возвращаемся. Если кто-то пропал, за ним не идём. Поднимаемся и доложим.

Последнее правило повторили дважды.

Вормот слушал. Он умел выполнять приказы, когда видел в них смысл. На новом уровне никто не знал ни ходов, ни тварей, ни того, насколько крепок камень над головой. Один человек мог пропасть. Двое, отправившиеся за ним, тоже. Потом исчезнут следующие. Так Шахта пожирала целые отряды – не сразу, а по одному, пользуясь тем, что люди не хотели бросать своих.

Они зажгли налобные фонари и двинулись внутрь.

Первые тоннели создала не кирка. Стены были слишком гладкими, проходы – слишком высокими и широкими. Вормот мог идти, почти не пригибаясь, а потолок всё равно оставался далеко над головой. Под ногами лежали пыль, мелкие камни и высохшие кучки помёта.

Крысюки.

Следы попадались повсюду. Борозды от когтей, обглоданные кости, клочья шерсти, натасканные в углубления ветки и тряпки. На одном участке вся стена была испещрена отметинами зубов.

Самих тварей не было.

Вормот остановился и прислушался. Слышал шаги разведчиков, скрип кожаных ремней, дыхание и тихое позвякивание крюков. Ни писка. Ни шороха маленьких лап. Даже вода нигде не капала.

— Не нравится мне это, — сказал кто-то.

— Отметь и идём назад, — ответил старший.

На стене оставили первую угольную стрелку. Люди уже поворачивали, когда из глубины донёлся звук.

Вормот сначала принял его за скрип камня. Потом звук повторился – тонкий, прерывистый, требовательный.

Плакал ребёнок.

— Слышали?

Разведчики замерли.

Плач снова прокатился по тоннелю. Здесь, под толщей горы, он звучал неправильнее, чем полная тишина крысюков.

— Морок, — сказал старший. — Или тварь приманивает. Возвращаемся.

Люди двинулись к колодцу.

Вормот остался.

Он знал приказ. Знал, что ребёнку неоткуда взяться под Куполом, тем более на только что открытом уровне. Знал, что внизу могли жить существа, способные подделать человеческий голос. Всё это было понятно.

Ребёнок заплакал снова.

Вормот пошёл на звук.

— Назад! — крикнул старший.

Он не остановился.

Когда-то его звали Иваном. Это имя осталось в Аллегии вместе с домом в бедном квартале, матерью и сестрой. Здесь Стародуб назвал его Вормотом после одной неудачной лжи, и новое имя прижилось быстрее, чем хотелось. Впрочем, Иван тоже был не тем человеком, по которому стоило скучать.

Он был крупнее остальных ещё в школе и рано понял, насколько удобно быть сильным. Учителя не спешили наказывать сына из бедной семьи, если тот выбирал жертв ещё беднее и слабее. Другие мальчишки тянулись за ним. Вскоре у Ивана появилась собственная маленькая банда.

Они отбирали монеты, портили одежду и заставляли младших выполнять за них работу. Аристократов не трогали. Даже тогда Иван хорошо понимал, кого опасно обижать.

Чаще остальных доставалось Малику – тощему отличнику в очках. Его книги удобно было выбивать из рук. Он смешно ползал по земле, собирая листы, и никогда не лез в драку, потому что заранее знал, чем она закончится.

И именно Малик однажды принёс Нею домой.

Было почти утро. Иван уже собирался идти искать сестру, не вернувшуюся из Академии. На стук он распахнул дверь и увидел Малика: тот едва стоял, согнувшись под тяжестью Неи. Платье на ней было разорвано, лицо покрывали синяки, одна рука безвольно свисала с плеча школьного отличника.

Иван сначала схватил Малика за ворот.

— Потом, — выдохнул тот. — Сначала помощи ей.

Малик не напомнил ни об отнятых монетах, ни о книгах в грязи. Вместе они уложили Нею на кровать. Несколько дней она не приходила в сознание. Очнувшись, заперлась, плакала и не отвечала ни матери, ни брату.

Однажды Иван увидел у неё в руке отцовскую бритву.

Он отнял её. Нея не сопротивлялась. Только посмотрела так, что Иван впервые почувствовал себя маленьким и бесполезным.

Малик снова помог. Ходил по Академии, слушал разговоры и однажды принёс имена. Один богатый студент хвастался друзьям ночным развлечением с новенькой. Остальные смеялись. Никто из них не боялся последствий.

Иван взял тяжёлую дубину и показал им, что бояться всё-таки следовало.

Он не жалел о той ночи. Ни тогда, ни сейчас. Каждый из той компании остался жив, но больше не смог бы причинить кому-нибудь такой же вред. Иван жалел о другом: что человек, которого он унижал ради забавы, оказался добрее и смелее него. Малик помог Нее, хотя не был ей ничем обязан. Иван прежде помогал только своим.

Вернувшись, он сел у закрытой двери сестры и рассказал, что сделал. Нея долго молчала. Потом дверь впервые открылась. Она обняла брата и прошептала:

— Спасибо.

Почти сразу в дом постучала стража.

Теперь Вормот шёл по тоннелю, удаляясь от остальных разведчиков, потому что снова слышал того, кто не мог защитить себя сам.

Он не знал, стал ли после ссылки лучше. Знал только, что больше не хотел выбирать людей, которых безопасно обижать.

Плач становился громче.

Тоннель разветвился. Вормот выбрал левый проход, затем правый, прошёл под низким каменным сводом и только после этого понял, что перестал оставлять угольные метки. Следовало вернуться. Позвать остальных. Хотя бы запомнить дорогу.

Ребёнок надрывно закричал совсем близко.

Вормот ускорил шаг.

Голубой свет появился впереди прежде, чем он увидел пещеру. Сначала тонкая полоса легла поперёк тоннеля. Затем стены разошлись, и Вормот зажмурился: в камне горели сотни магкамней. Кристаллы проступали из пола, стен и высокого свода. Их света хватило бы, чтобы озарить Крысиную площадь.

Посреди пещеры лежала широкая куча серого пепла.

На ней плакал младенец.

Вормот остановился. Он ожидал увидеть пасть, зубы, существо, подражавшее ребёнку. Но перед ним был обычный мальчик – голый, грязный и посиневший от холода. Маленькие руки беспорядочно били по пеплу.

Вокруг не было ни женщины, ни одежды, ни следов. Пыль у кучи оставалась гладкой. Будто ребёнок упал сюда сверху, хотя над ним был сплошной камень.

Вормот обошёл пещеру, заглянул за выступы и проверил ближайшие проходы. Никого.

Мальчик продолжал кричать.

— Слышу, — сказал Вормот. — Уже иду.

Он снял перчатки. Даже без них его ладонь была почти с ребёнка размером. Вормот осторожно просунул одну руку под спину, другую под ноги и поднял младенца.

Тот оказался ледяным.

Вормот расстегнул куртку и прижал находку к груди, закрывая от холодного воздуха. Потом вытащил из сумки чистый холщовый мешок, предназначенный для образцов породы, распорол боковой шов и завернул мальчика в ткань.

Плач оборвался.
Ребёнок сделал несколько слабых вдохов, прижался щекой к Вормоту и уснул.
— Вот и хорошо, — пробормотал тот.

Хорошего в происходящем было мало. Он нарушил приказ, потерял маршрут и вынес младенца с уровня, где того никак не могло быть. За такое могли не наградить, а посадить в яму – если вообще поверят.

Оставить мальчика Вормот всё равно не мог.

Обратный путь занял намного дольше. Приходилось идти медленно, прикрывая ребёнка одной рукой и отыскивая собственные следы в пыли. Несколько раз Вормот выбирал неправильный проход и возвращался. Наконец впереди замелькали чужие фонари.

Старший разведчик встретил его руганью.

— Я приказал возвращаться! Ты хоть понимаешь, что мы уже собирались подниматься и оставлять тебя здесь? Что ты там...

Он увидел свёрток у Вормота на груди и замолчал.

— Это что?

— Ребёнок.

— Я вижу, что не кирка. Откуда?

— Лежал в пепле.

Разведчики смотрели на Вормота так, будто именно он родил младенца в тоннеле и теперь не хотел признаваться.

— Здесь не бывает детей, — сказал кто-то.

— Теперь бывает, — ответил Вормот.

До подъёмника они дошли без новых потерь. Перебираться над провалом с ребёнком оказалось невозможно, поэтому разведчики натянули второй канат и соорудили из куртки петлю. Сначала переправили свёрток. Вормот не отводил глаз, пока чужие руки переносили мальчика над темнотой. Только когда ребёнок оказался на платформе, полез сам.

На поверхности он не пошёл ни к смотрителю, ни к лекарю. Сначала отнёс находку на старую мельницу.

Умник открыл дверь не сразу. Он был бос, в рубашке с пятнами неизвестного происхождения и держал в руке стеклянную колбу. Увидев Вормота, нахмурился.

— Если ты опять сломал фонарь, оставь у двери. Я почию после того, как закончу...

Вормот развернул ткань.

Умник замолчал. Колба медленно опустилась.

— Он замёрз, — сказал Вормот.

Учёный отступил, пропуская его внутрь.

Следующие минуты он не задавал вопросов. Подбросил дров в печь, нагрел воду, нашёл мягкую ткань и осмотрел ребёнка. Вормот стоял рядом, занимая половину комнаты, и выполнял всё, что ему говорили: держал, поворачивал, укрывал, снова держал.

Когда кожа мальчика перестала быть синей, Умник наконец спросил:

— Где мать?

— Не было.

— Следы?

— Только пепел.

— На каком уровне?

— На шестнадцатом.

Умник посмотрел на ребёнка иначе. В его глазах появился знакомый исследовательский блеск.

Вормот шагнул между ним и столом.

— Сначала он отогреется.

Блеск немного померк.

— Разумеется. Я не собирался... Хорошо, собирался. Но ты прав. Сначала необходимо сохранить ему жизнь.

Он снова осмотрел младенца, теперь уже без попытки немедленно разгадать его.

— Если сообщить правду, его заберут, — сказал Умник. — Младенец, найденный на только что открытом уровне, заинтересует не только зрителя.

Вормот это уже понимал.

— Значит, правду не скажем.

— У тебя есть правдоподобная ложь?

— Придумаю.

Умник задумался, поглядывая на серый налёт, оставшийся в волосах ребёнка.

— Недавно прибыла новая партия каторжников. Среди них могла быть беременная женщина. Она скрыла состояние, родила и умерла. Ты нашёл тело и забрал ребёнка.

— Тела нет.

— Его могли съесть крысочки.

— Хорошая ложь.

— Ужасная. Но здесь поверят.

Мальчик проснулся и снова заплакал. Вормот поднял его прежде, чем Умник успел протянуть руки. Прижал к себе, слегка покачал. Плач постепенно стих.

— Ему нужно имя, — сказал учёный.

Вормот посмотрел на серые волосы, пепел в складках ткани и тёмный след на собственной рубашке.

— Пепел.

— На древнем мейском есть слово «аш». Точнее, ближайшее значение – «пепельный» или «пришедший из пепла». Для имени достаточно коротко.

— Аш, — повторил Вормот.

Мальчик заснул у него на руках.

Премия за разведку всё-таки выплатили. Ещё утром Вормот мысленно делил её между тележками, инструментом и первой квотой. Теперь нужны были еда, тёплые вещи и место, где ребёнок сможет жить. Умник уже перечислял, что следует достать в первую очередь, перескакивая с питания на устройство колыбели и обратно.

Вормот слушал и смотрел на Аша.

Свою бригаду он ещё соберёт.

Сначала предстояло не дать этому мальчику умереть.

Ча

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.